Зиновьев

О стабилизации и перестраховках

Г. ЗИНОВЬЕВ

О СТАБИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕСТРАХОВКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КУБУЧ
ЛЕНИНГРАД 1925 г.

Н. Я. ДАЙЕНШЕР

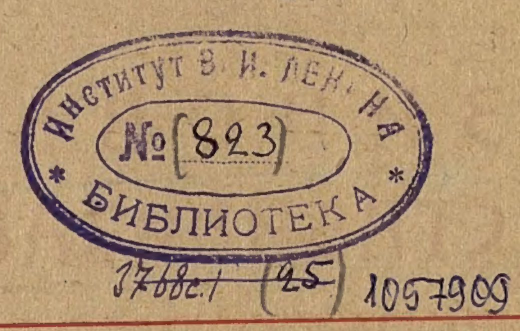
Г. ЗИНОВЬЕВ

О СТАБИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕСТРАХОВКАХ

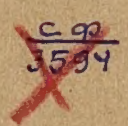
Составил Д. Лурин

Издательство
КУБУЧ
Ленинград
1925

Типография Ленинградского Губоткомхоза, Ул. 3-го Июля, 55.
Ленинградский Гублит № 12277. 4 л. 10.000 экз.

Тактические проблемы наших дней сводятся к вопросу о сроках и путях мировой революции *).

От марксизма, особенно от ленинизма, являющегося марксизмом наших дней, мы получили теорию мировой революции; она достаточно разработана и может служить руководящей нитью для всей работы Коммунистического Интернационала. Но есть две проблемы, разрешение которых не заключено в самой теории, так как разрешение этих проблем по самой сути дела возможно только на основе исторического опыта.

Дело идет о проблемах, являющихся в данное время центральным пунктом работы Коминтерна. Это, во-первых, вопрос о темпе пролетарской революции, о быстроте ее развития, вообще—об ее сроках. Это, во-вторых, вопрос о маршруте, о политической географии ее.

Мне кажется, что к этим двум решающим вопросам могут быть сведены тактические проблемы недавнего времени, сегодняшнего дня и, вероятно, ближайшего будущего.

Что касается темпа, сроков развития пролетарской революции, то опыт не только Коминтерна, но и I Интернационала и всей работы таких людей, как Маркс и Ленин, показывает нам, как трудно было обойтись в этой области без ошибок. На основании уже имеющегося у нас самих опыта мы убедились, с какой осторожностью следует относиться к вопросу о сроках мировой революции, как часто и легко, в силу понятной нетерпеливости революционера, можно ошибиться, определяя слишком поспешно сроки событий. Недаром именно в этой области ошибался не только Ленин, но и Маркс.

А теперь—вопрос о маршруте мировой пролетарской революции. Я думаю, что в этой области мы лишь теперь впервые познаем особенные трудности этой проблемы. Возьмем хотя бы социалистическую революцию в России: ведь, это было большой «неожиданностью» для многих марксистов, что именно в России совершилась социалистическая революция. Очень мало было людей, веривших в такую возможность, даже из

---

*) Доклад тов. Зиновьева на расширенном пленуме ИККИ 25-го марта 1925 г.

числа сторонников левого крыла международного рабочего движения. После победы русской революции все мы сошлись на мысли, что следующая очередь будет за Германией, куда перенесется революция из России, а затем уж она обойдет всю Европу. Только теперь, т.-е. через 10 лет после начала империалистичекой войны, спустя 6 лет после ее окончания и по прошествии почти 8 лет после революционного взрыва в России, после всех боев, наблюдавшихся нами за эти годы в Европе,—только теперь настойчиво выдвигается вопрос, правилен ли был этот взгляд на дальнейший маршрут пролетарской революции, как на единственно возможный путь, на единственно возможное географическое распространение мировой революции. Должна ли революция переброситься в Европу обязательно через Германию? Не могут ли здесь еще произойти у нас ошибки в оценке маршрута? Мне думается, что нам нельзя в этом вопросе слишком цепляться за прежние воззрения, чтобы не повторить в большем масштабе того, что в малом размере совершил Брандлер, который желал начать германскую революцию во что бы то ни стало с Саксонии. Может случиться, что дальнейший маршрут будет лежать не непременно через Германию в первую очередь. Следует продумать и другие возможности.

Ленин о связи российской революции с международной.

На III конгрессе Коминтерна тов. Ленин высказывал такой взгляд на международное положение и на связь российской революции с международною:

> «Когда мы (т.-е. русские. Г. З.) начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции и что наш опыт послужит на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: сейчас же или по крайней мере очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или в противном случае мы должны погибнуть...

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали... Для нашей Российской Республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории» (Собр. соч. Ленина, том XIII, стр. 320—322).

Стало-быть, во-первых, еще в 1921 г. Ленин говорил о том, что в Европе устанавливается известное равновесие и что исторический процесс идет зигзагами, а не по той прямой линии, в которую мы сначала все верили по наивности или скорее всего из-за недостатка исторического опыта, а во-вторых, «передышка» оказывается более длительной, чем можно было ожидать.

Итак, нам нужно постоянно иметь в виду: вопросы о сроках и маршруте революции оказываются гораздо сложнее, чем все мы себе это раньше представляли. Марксизм, ленинизм дают нам бесконечно много, но и они не могут заменить того, что достигается только историческим опытом самой революции.

Нужна спокойная, большевистски-выдержанная, об'ективная оценка положения.

Теперь обратимся к **мировому экономическому положению.**

Буржуазия получила передышку. Передышка для буржуазии оказалась длительнее, чем мы это предполагали, хотя с точки зрения исторических перспектив два—три года или 5—10 лет—сущие пустяки. Верно, что экономическое положение буржуазии улучшилось в некоторых странах Европы и вне ее.

Во многих странах буржуазии удалось стабилизировать свою валюту. В Германии в настоящий момент в этой области не происходит того, свидетелями чему мы были в 1923 году—в период инфляции. И все же есть большие исключения и из этого правила. Назовем хотя бы Францию, Италию, Румынию и Японию, где валютный вопрос и по сей день имеет жгучий характер. В других странах буржуазии удалось все же восстановить валютное равновесие. Это, конечно, имеет большое значение для капитализма.

Но коммунист первым делом спрашивает, какими способами удалось буржуазии валюту стабилизовать и за счет каких слоев населения это укрепление валюты произошло. Подлинный коммунист видит, что, скажем, в Германии и во Франции две трети налогового бремени свалены целиком на трудящихся и что, следовательно, валюта стабилизована путем прямого выжимания пота из рабочего класса.

И все же марксист должен считаться с фактом стабилизации валют и проистекающим отсюда некоторым временным укреплением капиталистического строя.

На ряду со стабилизацией—несомненные признаки неустойчивости положения.

Мы видим и некоторое восстановление международного кредита. Достаточно упомянуть, что за последний год одна только Северная Америка открыла кредит Европе, Азии и Южной Америке въ размере 1¼ миллиарда долларов. Наблюдается тенденция восстановления международного кредита, установления мировых цен и вообще восстановления т. н. единства мирового капиталистического хозяйства. Америка вышла из состояния финансовой самоизоляции. В отдельных странах наблюдается улучшение промышленной кон'юнктуры. Все это—несомненные факты. Европа уже несколько лет не находится на положении войны. В некоторых странах капитализм частично оправился. Осенью 1924 г., как справедливо заметил Варга, впервые за много лет одновременно улучшилась кон'юнктура в наикрупнейших государствах, как-то: в Англии, С. Штатах, Франции, Германии, в то время как в других странах—Польше, Венгрии и прочих продолжался экономический кризис.

Но сколь неустойчива обстановка, видно из фактов, происшедших в самое последнее время, за последние недели, когда мы вновь становимся свидетелями частичного ухудшения положения буржуазии. В С. Штатах наблюдаются первые симптомы нового понижения кон'юнктуры. В ряде отраслей промышленности наступает застой. Английская экономическая печать изобилует указаниями на значительную неустойчивость центрально-европейской стабилизации, которой пророчат недолгие дни. Во Франции впервые за последние 10 лет наблюдается сильная безработица. В прочих странах тоже заметен рост безработицы по сравнению с прошлым годом. Германия переживает тяжкий кризис угольной промышленности. Кризис в Польше, Австрии и Венгрии неизменно продолжается. Коротко говоря, налицо ряд симптомов, свидетельствующих о том, что стабилизация испытывает ряд серьезных колебаний.

Положение рабочего класса при капиталистической «стабилизации».

Нас, как авангард рабочего класса, должен интересовать в первую голову вопрос о том, каково же экономическое положение рабочего класса в период этой «счастливой» стабилизации. Безработица растет. В Англии число безработных достигает почти 2 миллионов, столько же их и в Америке; в Германии число безработных приближается к миллиону.

Сильная безработица царит также в Италии, Чехо-Словакии, Польше и в других странах и, как я уже сказал, впервые за эти годы наблюдается во Франции. Падение реальной заработной платы стало неопровержимым фактом почти во всех европейских странах.

Мы знаем, что во всех почти странах война с ее последствиями вызвала вздорожание всех жизненных предметов. Эта дороговизна и бьет по рабочим, так как заработок пролетария не поспевает за ростом цен. В Англии прожиточный минимум в июле 1924 г. составлял 170 проц. довоенного, а в декабре того же года—181 проц. Между тем все официальные источники, не склонные в этих случаях преуменьшать, свидетельствуют о том, что заработок английского рабочего в эту же пору (июль—ноябрь 1924 года) снижался.

В период январь—июнь 1924 г. вся сумма выплаченной в Англии рабочим за неделю заработной платы составляла 560.900 фунтов стерлингов, в период же июль—ноябрь 1924 г. она снизилась до 518.350 фунтов. Таким образом, в карманах предпринимателей, кроме прежних прибылей, застревали еще 42.000 фунтов в неделю. А в этот период росли цены на все продукты.

Во Франции, в Париже, в июле 1924 г. прожиточный минимум исчислялся в 360 проц. довоенного уровня, в ноябре—в 396 проц. при отсутствии какого бы то ни было повышения заработной платы рабочего.

В Италии, во Флоренции, в июле 1924 г. прожиточный минимум составлял 533 проц. довоенного, а в ноябре—583 проц. Повышения заработной платы в этот период не было. Такая же картина наблюдается во всех странах Европы. А в Соединенных Штатах, в стране «капиталистического преуспеяния», прожиточный минимум в процентах довоенного времени равнялся в июне 171, и ноябре того же года—181, в январе 1925 г., по последним подсчетам,—около 185. Зарплата за последнее полугодие в Соединенных Штатах не повышалась, за исключением ничтожного повышения у железнодорожников, зато во многих случаях (особенно в текстильной промышленности) она снизилась от 10 до 15 проц. Всюду в Европе и даже в Америке реальная заработная плата падает. Исключение составляет только Россия, где заработная плата в нескольких отраслях промышленности уже начинает превышать довоенный уровень. Таково положение дел.

В Германии ярче всего сказывается сейчас так называемая стабилизация. План Дауэса показывает здесь пока-что свою лицевую сторону. Но несомненно, что скоро в Германии обострятся противоречия на новой основе. Классовая борьба вновь закипит.

Мировой кредит восстанавливается, валюта крепнет, торговля растет. Но одновременно с этим начинается процесс, в империалистическую эпоху капитализма неизбежный: борьба за рынки сбыта. Она уже свирепствует. Не за горами то время, когда мы будем наблюдать обострение противоречий на новой основе. Нам не зачем замалчивать и затушевывать известную стабилизацию капитализма. Мы не нуждаемся в иллюзиях. Мы должны прямо говорить о том, что есть. Наступившая для буржуазии передышка—факт. И все же перед нами попрежнему стоит вопрос: нанесен ли капитализму мировой войной и первой большевистской революцией удар смертельный, удар тяжелый или лишь легкое ранение? Мы попрежнему держимся того мнения, и факты служат этому подтверждением, что первая большевистская революция и мировая война нанесли капитализму тяжелый удар и что «выздоровление» его есть явление временное, кажущееся. Но этому обстоятельству, наступающему временно «выздоровлению» капиталистического хозяйства, мы все же должны прямо смотреть в глаза.

Основные моменты современного политического положения.

В области мирового политического положения можно констатировать ряд изменений, особенно за истекшие 9 месяцев. Картина заметно изменилась даже с чисто внешней стороны. В период V Всемирного Конгресса пацифистско-демократическая «эра» сияла еще в полном блеске. Но мы и в резолюциях V Всемирного Конгресса подчеркивали, что демократически-пацифистская «эра» есть лишь эпизод, лишь этап зигзагообразного пути истории. Теперь уже ясно, что мы были правы. При настоящем положении вещей больше всего нас, разумеется, интересует мировая политическая перспектива. На этом я позволю себе остановиться несколько подробнее. В мировом масштабе общая картина определяется следующими моментами, которые можно разбить на 12 пунктов:

1. Америка—Англия.
2. Япония.
3. Восточный вопрос.
4. СССР.
5. Англия.
6. Англия—Франция.
7. Германия.
8. Балканы.
9. Польша.
10. Италия.
11. Чехо-Словакия.
12. Скандинавия.

Англо-американское сотрудничество и его оценка.

Остановлюсь несколько подробнее на этом вопросе.

Тот факт, что Америка вновь повернулась лицом к Европе, имеет, разумеется, мировое значение. Никто в этом не сомневается. Сближение между ними есть факт мирового исторического значения, несмотря на его временный, преходящий характер. Утверждать же, как это делает тов. Троцкий, что Европа превращается в доминион Америки, значит сильно переоценивать вещи. Говорить, что Америка может посадить всю Европу на паек, значит недооценивать противоречия между Америкой и Европой и внутри самой Европы. Противоречия между Францией и Англией несомненно налицо. Если не учитывать противоречий между европейскими государствами, то можно впасть в ошибки, ставящие вверх ногами всю нашу политическую тактику.

Мы отнюдь не отрицаем, что сближение между Америкой и Англией есть факт исторического значения. Но на ряду с этим нельзя упускать из виду и того, что между империалистической Америкой и империалистической Англией существуют и даже обостряются противоречия.

В настоящее время мы имеем в Англии и Америке социально родственные друг другу правительства. Между консервативным правительством Англии и нынешним правительством Америки существует социальное родство. О чем говорит это явление, если подходить к нему с точки зрения правильной оценки империалистических противоречий? К чему оно приводит в капиталистическом мире?

Равносильно ли социальное родство между двумя правительствами дружественному взаимоотношению между ними? Ни в каком случае. В начале войны в 1914 г., в европейских странах бразды правления находились в руках правительств, тоже довольно родственных друг другу в социальном отношении. И, однако, это родство не помешало им начать войну. Тоже и с Америкой—Англией. Империализм есть империализм. Борьба, конкуренция продолжаются. Этого рода противоречия не только имеются налицо, но и могут обостриться, несмотря на социальную родственность двух буржуазных правительств.

Англо-американские противоречия.

Действительно, сотрудничество Америки и Англии есть факт определенный. В Германии это отчетливо видно, здесь это сотрудничество вре-

менно сказалось в крупных практических последствиях для германского хозяйства. И все же противоречия между Англией и Америкой растут. Противоречия эти можно свести, приблизительно, к 10 пунктам, при чем каждый из них уже сам по себе достаточно убедительно показывает, что сближения между Америкой и Англией не следует преувеличивать. Эти 10 пунктов таковы:

1) Непосредственная борьба за мировую гегемонию. Мировым кредитором является сейчас не Англия, а Америка. Борьба между ними в этой области уже свирепствует и будет свирепствовать и дальше.

2) Канада.

3) Австралия.

4) Мексика.

5) Нефть.

6) Рынки сбыта.

7) Вопрос о вооружениях, открытое состязание в деле вооружения с целью господства над морями.

8) Задолженность.

9) Ввоз и вывоз сырья.

10) Даже в вопросе о плане Дауэса, где как раз сказывается сближение, налицо и коренные противоречия между обоими государствами.

Как я уже сказал выше, каждого из этих 10 пунктов в отдельности достаточно, чтобы наглядно нам показать, что параллельно с процессом сближения идет процесс роста противоречий, что характерно вообще для капитализма. Я остановлюсь на одном только примере, характерном для взаимоотношений между Америкой и Англией. Я имею в виду Канаду. В 1913 г. капитал, вложенный в Канаду Англией, втрое превышал капитал, вложенный Америкой. В 1923 г. наблюдается в этом отношении полный перелом: американского капитала оказывается в Канаде по крайней мере столько же, сколько английского, а именно 2,5 миллиарда долларов. При этом надо отметить, что способ вложения капиталов в Канаду Америкой отличается от способа вложения их Англией: Америка вкладывает свои капиталы непосредственно в канадские предприятия. Таким образом, Канада ускользает из рук англичан. Американизация Канады становится фактом. Вся культура Канады—американская. Счет ведется в Канаде не на фунты, а на доллары. Печать, кино, театр, железные дороги, одежда—все здесь не английское, а американское. В Англии, как и в Америке, уже открыто поговаривают о возможности постепенного превращения Канады в новый северо-американский штат. В настоящее время Англия силится опереться

на живущих в Канаде 2—3 миллиона французов, так как все живущие там англичане давно уже американизировались. Не так давно «Таймс» открыто говорил о возможности предстоящей утраты Канады.

Тенденции к распаду Британской империи обнаруживаются все яснее. Лондонский «Таймс» между 2 и 6 февраля текущего года поместил ряд статей под заголовком «Доминионы и внешняя политика». Впервые во всеуслышание руководящий орган британского империализма говорит о все более увеличивающейся опасности для существования единой Британской империи. При этом «Таймс» исходит из факта, что не удалось созвать общеимперскую конференцию для выяснения взгляда составных частей империи на женевский протокол; это произошло потому, что доминионы вообще относятся отрицательно ко всяким конференциям, в результате которых на них могли бы быть возложены новые обязанности, связанные с возможностью новой войны. Статьи «Таймса» вызвали величайший интерес во всем мире и целыми неделями воспроизводились во всех английских газетах. Вот несколько цитат из них:

> «Важнейшею проблемою для Англии в послевоенный период является вопрос, каким образом шесть самоуправляющихся частей Англии, которые составляют в совокупности всю мощь империи, каким образом они могут притти к единой политике против враждебной Англии держав. Это—проблема величайшего значения, ибо она граничит с вопросом о конце существования самой империи. Если эти шесть единиц Британской империи не придут к соглашению в своей внешней политике, то превращение их в независимые друг от друга государства явится только вопросом времени. Они не могут решить вопрос иначе, как путем лишь ответа: мы должны согласиться на единую внешнюю политику или же империя осуждена на распад».

И дальше:

> «При нынешней обстановке всякая война или даже риск войны представят сильнейшую опасность для единства империи. Если парламенты отдельных частей империи сойдутся на едином отношении к угрозам международного положения, то все будет в порядке. А если между ними не будет согласия? Если Великобритания или какой-нибудь из ее доминионов вступят в конфликт с какой-либо могущественной державой, то единственным способом сопротивления других частей империи такой войне может явиться только их выход из имперского союза. Другого пути нет. Но война или риск

войны гораздо ближе для нас всех, чем мы вообще это предполагаем».

А вот выдержка из новой статьи:

«Таким образом, империя стоит ныне перед длительною опасностью. С одной стороны, есть риск, что империя из-за отсутствия единства будет стремиться к колеблющейся внешней политике, которая, однако, станет угрожать ее безопасности и в то же время увеличит шансы на возможную войну. С другой стороны, есть риск распада империи в том случае, когда перед составными единицами ее встанет дилемма: или примкнуть к войне, которую они, однако, не оправдывают, или уничтожить единство империи для того, чтобы избежать участия в войне».

Английская буржуазия чувствует, что доминионы ускользают из ее рук. Из всех десяти пунктов одного вопроса о Канаде уже достаточно, чтобы показать, что противоречия между Англией и Америкой все больше и больше обостряются. Вопрос о доминионах вообще приобретает все более и более острое и боевое значение.

Таким образом, констатировать сближение между Англией и Америкой, значит рисовать лишь одну сторону дела. Другая сторона его состоит в одновременном росте противоречий, постепенно принимающих все более и более острый характер.

На ряду с этим, Америка стремится использовать противоречия, существующие между отдельными европейскими государствами. Все характерные признаки империализма, правильный учет которых лег в основу ленинской теории империализма, неизменно налицо и сейчас.

«Стабилизация в Англии и пессимизм Ллойд-Джорджа» *).

Ллойд-Джордж на-днях тоже говорил о стабилизации в Англии. Англия не принадлежит к числу беднейших и второстепенных стран Европы. Что же говорит Ллойд-Джорж? Газета «Таймс» так передает его речь:

«Он (Ллойд-Джордж) не видит никаких признаков подлинного восстановления хозяйства. Если члены парламента читали за последние дни экономические приложения к «Таймсу», «Манчестер Гардиен» и статьи «Дейли Ньюс», т.-е. три газеты в корне различного характера, они должны были заметить, что все три смотрят на будущее чрезвычайно пессимистично. Если положение не изменится и в дальнейшем, он во-

---

*) Заключительное слово т. Зиновьева на заседании расширенного пленума ИККИ 4 апреля 1925 г.

истину ни за что не может поручиться. Он не считает такое положение результатом капиталистической системы, но если выхода найдено не будет, то рабочий класс поддастся уверенности, что положение это есть именно результат капиталистической системы. Он не пессимист, но если ничего радикального не произойдет, катастрофа неизбежна».

Так говорил Ллойд-Джордж во время прений в английском парламенте 26 марта.

Англия — оплот капитализма в Европе и там-то мы слышим заявления в роде только что зачитанного.

Благополучие английских консерваторов стоит на двух минах *).

Наиболее дальновидные даже из английских консерваторов понимают, что нынешняя Англия стоит, по крайней мере, на двух минах.

Первая мина — восточный вопрос. Англия живет своими колониями и полуколониями. Восточный вопрос для нее — все. Между тем колониальные и полуколониальные народы созревают в пекле истории гораздо быстрее, чем мы думали. Нынешний год был годом обострения восточного вопроса, такого обострения, какого он раньше не достигал и в 50 лет. Восток — Ахиллесова пята английского империализма, и нынешний английский консерватор, полнокровный реакционный зубр из лендлордов или банкиров, знает, что его владычество все-таки непрочно, поскольку под ним заложена такая грозная мина.

Вторая мина, создающая беспокойство для господствующего ныне класса Англии, — рабочий вопрос. Еще во время последних выборов в Англии, средняя партия, партия либералов, была размолота между молотом и наковальней, превратилась в нуль. В Англии на общественной арене теперь борются только две большие партии — консерваторы и рабочая партия. Во главе рабочей партии стоят меньшевики. Но в самой партии происходит серьезная дифференциация. Это показал ряд фактов. Приезд делегации английских профсоюзов к нам ярко показал нам происходящую в партии дифференциацию. Это же подтвердили и недавние выборы лидера партии. При баллотировке в лидеры парламентской фракции, состоящей из наиболее правых элементов, Макдональд получил всего 56 голосов, 50 воздержались и несколько голосов были против. Иначе говоря, Макдональд еле-еле прошел. Левое крыло в рабочей партии растет, аппетит к власти у рабочих пробуждается. И нынешний ан-

---

*) Доклад т. Зиновьева о деятельности Ц. К. Р. К. П. (б) на Ленинградской конференции 26 января 1925 г.

глийский консерватор находится в таком положении: сейчас он полный хозяин, а вместе с тем он знает, что завтра или после-завтра его сменит у власти уже не Ллойд-Джордж, уже не либерал—уже не сосед «слева», уже не средняя сила, которая там уничтожена, а сменит рабочая партия. Это неизбежно, другой силы там нет. И при том сменит она его не на несколько месяцев, как было недавно, а, может быть, всерьез и надолго. Рабочая партия, когда она придет вторично к власти, будет уже не та, какою она была до сих пор. Это будет партия с большим левым крылом, с сильно выросшим аппетитом к власти, с большим политическим опытом, склонная к подлинному союзу с рабочим классом нашей страны. Вот вторая мина, второй фугас, заложенный под нынешнее владычество политической Англии.

Такого положения Англия никогда не переживала раньше, оно совершенно ново для нее. У власти — реакционный богатый класс, с неистраченным запасом сил, но знающий отлично, что под его владычество заложены два больших снаряда необычайной разрывной силы, знающий, что восточный вопрос назревает, и что внутри страны к власти готовится рабочий, не прежний смирный рабочий, мещанин, а рабочий, быстро созревающий политически в данной обстановке.

Положение в Англии революционизируется.

Мне кажется, что мы находимся в начале такого периода, когда центр тяжести дальнейшего развития мировой революции постепенно может начать передвигаться в Англию.

Оппортунисты спросят: неужели же, по-вашему, крепкой, полнокровной консервативной Англии приходится бояться революции? Тот, кто смотрит на вещи поверхностно, гипнотизирован полнокровием английского капитализма. Но ученик Маркса и Энгельса не может не видеть, что мощь английской буржуазии в трех пунктах подвергается серьезной опасности. Первый пункт—доминионы. Всякий английский и американский капиталист в настоящее время знает, что доминионы постепенно ускользают из рук Англии. Второе—революционизирование рабочего движения и, наконец, третье—Восток.

Консервативное правительство уже не может быть сменено либеральным. Положение английской рабочей партии имеет огромное значение. Постепенная трансформация рабочей партии является очевидным фактом. Не менее очевиден рост ее левого крыла. Эти моменты показывают, что полнокровная консервативная Англии стоит на вулкане. Положение

в Англии не обнаруживает симптомов растущей стабилизации, а, наоборот, непрерывно революционизируется.

Япония накануне буржуазного переворота *).

Японская действительность чревата буржуазным переворотом, что приобретает огромное значение в связи с восточным вопросом. Развивающееся в Японии движение кое в чем живо напоминает эпоху 1905 года в России. Демонстрации, общий рост крестьянского движения, рост террористического движения. Молодой японский студент был недавно расстрелян за неудавшееся покушение на кронпринца,—все это характерно для японского движения. Но рабочий класс политически там пока слабее, чем он был в России в 1905 году. Численно он, может быть, и не уступает тогдашнему русскому пролетариату, но политически слабее. И все же буржуазный переворот стучится в двери Японии. А такого рода переворот в нашу эпоху безусловно должен ускорить освободительное движение на Востоке и тем самым приблизить мировую пролетарскую революцию.

Восток и его значение для мировой революции.

Восточная проблема созревает с такой быстротой, какой мы не могли себе раньше представить. В продолжение 9 месяцев, отделяющих нас от V конгресса, события на Востоке развиваются особенно быстро. Советские Республики в настоящее время имеют общую с Китаем линию фронта. Это—событие всемирно-исторического значения, его последствий еще невозможно и учесть. Рост партии гоминдан, партии Сун-Ят-Сена, до известной степени нам сочувствующей, имеет для Коминтерна огромное значение. В Китае, Египте, Голландской Индии — всюду движение нарастает.

Мы прочли сегодня в «Правде» о разгоне парламента Заглул-паши в Египте, что внесет новые осложняющие моменты в англо-египетские отношения. Я хотел бы напомнить о том, что тов. Ленин почти перед самой смертью писал о Востоке. В статье «Лучше меньше, да лучше» он говорил:

> «Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение,

*) Доклад тов. Зиновьева на расширенном пленуме ИККИ 25/III—25 г.

так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». (Собр. соч. В. И. Ленина, том XVIII, ч. II, стр. 137).

Ленин в последнее время своей жизни больше всего прислушивался к Востоку. Он ясно видел, что с Востока идет большая резервная армия революции и что революция, быть может, изменит свой маршрут, придет через другие двери. В моем введении я имел в виду именно эту возможность. Восток сам по себе, без западного пролетариата, был бы бессилен. Лишь коммунистическое движение на Западе,—пусть оно еще не привело рабочий класс к победе,—придаст борьбе восточных народностей совершенно иной удельный вес.

Я хотел бы напомнить также о том, что тов. Ленин еще до войны говорил о восточном вопросе. Уже в 1911 году, после того, как в Китае вспыхнула революция, Ленин писал о передовой Азии и отсталой Европе. Тогда это противопоставление многим казалось весьма странным. Теперь все видят, что оно было пророческим. В известном смысле мы действительно имеем в настоящее время передовую Азию и отсталую Европу. Не надо забывать, что Восток охватывает 900 миллионов людей—большинство населения земного шара. Не надо забывать все огромное значение того факта, что эта гигантская масса начинает приходить в движение.

Вспомним о том, какое глубокое влияние первая, вторая и третья русские революции оказали на развитие Востока.

Если мы хотим получить общую картину мирового положения, мы должны направить наше внимание не только на Европу, но и на Восток.

Противоречия между Англией и Францией.

И здесь имеются налицо противоречия. Идет борьба за господство в Европе. Оба государства в настоящее время находятся в известной зависимости от американского империализма, который стремится использовать их друг против друга, вызывая взаимные столкновения между ними и в то же время столкновения их с другими государствами. Во Франции положение ни в коем случае не стабилизовано. Вырос численно французский пролетариат. Выросла его партия. Начинается работа в колониях и в крестьянстве.

Пределы экономической стабилизации. Пример Франции *).

Для того, чтобы судить о пределах экономической стабилизации, лучше всего взять в качестве наглядного примера Францию. А о пределах политической стабилизации мы можем судить на основании того примера, который дают нам Болгария и Германия последних дней.

Во Франции произошел на этих днях тяжелый правительственный кризис, кончившийся пока-что сравнительно благополучно для левого блока: Эррио и Пенлеве обменялись лишь местами. Франция, как мы знаем, — страна давнишних парламентских традиций, и там подобными кризисами хоть пруд пруди. Но как раз отличие последнего правительственного кризиса и заключается в том, что он вызван не бурей в стакане воды, не обычной парламентской комбинацией, а имеет глубокую экономическую подоплеку. В отличие от других кризисов он прошел по экономическому нерву, по экономическому шву. Из-за чего же непосредственно возник недавний парламентский правительственный кризис в современной Франции? Из-за вопросов финансовой политики. Франция — страна, победившая в империалистической войне, страна, не знавшая до последнего времени безработицы, страна с выросшей за эти годы крупной промышленностью. И даже она в данный момент попадает в тяжелый экономический тупик. Дело подходит вплотную к так называемой инфляции, к необходимости спасать положение путем безудержного выпуска бумажных денег. Возникает серьезная угроза буржуазному благополучию, — угроза, которая сразу вызывает большую перегруппировку сил в довольно глубоких слоях буржуазии. Почему? Да потому, что при слове «инфляция» французской буржуазии рисуется перспектива 1923 года в Германии, в ее памяти воскресает грозный призрак германского кризиса 1923 года, который имел много уже прямо революционных черт и черточек, а, ведь, в Германии в 1923 году как пошло дело: финансовый крах, экономическая депрессия, поток бумажных денег, безработица, инфляция и т. д. Мы видим, что в богатейшей стране Европы, в стране-победительнице на наших глазах уже после заседания Исполкома Коминтерна разражается тяжелый правительственный кризис, проходящий как раз по экономическому шву, при чем на страну вплотную надвигается призрак финансового кризиса.

---

*) Доклад т. Зиновьева об итогах расширенного пленума ИККИ на XIV партконференции и РКП(б) 29-го апреля 1925 г.

Пока-что дело во Франции спасено. Но Франция имеет 24 миллиарда дефицита. Правда, пока-что она кое-как «выкрутилась», она на четыре миллиарда покрыла его бумажной эмиссией (это-то и послужило поводом к правительственному кризису), но двадцать-то миллиардов в дифиците остались. Если по поводу каждых 4 миллиардов будет происходить правительственный кризис, то суммы дефицита еще хватить на 5 таких кризисов, при чем каждый из них, бесспорно, будет возрастать и становиться все более острым. Наиболее характерно, повторяю, что дело-то происходит во Франции. А Франция—страна-победительница, страна богатая, не находящаяся в лапах Антанты, являющаяся не об'ектом Версальского договора, а суб'ектом его. Итак, во Франции нет непосредственно-революционной ситуации, здесь есть известная «стабилизация», но вы видите и здесь предел этой стабилизации по экономической линии. Конечно, положение окончательно выяснится не в течение недель, не в течение месяцев; но пределы стабилизации хорошо иллюстрируются теми экономическими кризисами, которые назревают на наших глазах.

Положение на Балканах.

Далее—**Балканы**. В некоторых балканских странах — в Румынии, Болгарии и Юго-Славии—на мой взгляд, существуют три революционизирующих фактора: 1) крестьянское движение, 2) национальное движение и 3) рабочее движение. Взаимодействие этих трех факторов имеет чрезвычайно важное значение; именно это взаимодействие здесь налицо. Иногда нам возражают, что борьба идет слишком вяло, что контр-революция в этих странах усилилась. Однако, диалектика истории учит нас, что иногда именно в такой момент, когда контр-революция достигла, повидимому, своей кульминационной точки, оказывается, что революция близка; именно в такой момент контр-революция сменяется революцией. Что национальное движение, крестьянское движение и рабочее движение в этих странах носят массовый характер, не подлежит никакому сомнению. Юго-Славское правительство может аннулировать 60 или 80 крестьянских мандатов, и это с «конституционной» точки зрения будет казаться пустяком. Однако, такие вещи не проходят бесследно, и недовольство крестьянских масс лишь уходит вглубь. Поэтому мы, коммунисты, при оценке положения на Балканах не будем обманываться тем, что видим на поверхности. Внешне реакция как будто всемогуща. На первый взгляд может казаться, что правительство уже справилось в Юго-Славии с движением Радича. Если же смотреть глубже, то необходимо признать, что и в балканских

государствах положение остается шатким и ни в каком случае не походит на стабилизацию.

Пределы политической стабилизации. Пример Болгарии и Германии.

Возьмем теперь стабилизацию по политической линии. События в Болгарии и особенно в Германии также дают ясное представление о тех пределах, в которых приходится признавать нынешнюю политическую стабилизацию.

Мы не знаем, чем кончатся непосредственно события в Болгарии, но там вплотную дело подошло уже не только к попытке болгарских помещиков и капиталистов вцепиться в горло «своих» рабочих и крестьян, но даже к возможности вооруженного конфликта между Юго-Славией, Болгарией и Румынией. Об этом говорилось определенно. Правда, вооруженного конфликта не произошло, но уже было близко к тому. Всякий, кто помнит обстановку накануне войны 1914 года, знает, что Балканы богаты классическими возможностями вооруженных конфликтов, способных вызвать мировую войну. И нынешнее положение на Балканах отнюдь не свидетельствует о политическом успокоении в лагере капитализма.

Сейчас во всем буржуазном мире происходят попытки, правда, уже несколько утихающие в последние дни, свалить события в Софии на нас, на Советское правительство и Коминтерн. Полное отсутствие оснований для такого невероятного, чудовищного обвинения вынуждает обвинителей итти на попятную. В первые дни рекорд побила кадетская газета «Руль», уверявшая, что «они», большевики, нарочно на расширенном заседании Коминтерна выдумали стабилизацию, дабы отвести глаза, успокоить международную буржуазию, а самим в это время подготовить взрыв в Софии. Само собою разумеется, такой нелепице едва ли кто поверит. Взрыв подготовила вся социальная обстановка в Болгарии, даже больше — на Балканах. Все дело в том, что нельзя править в такой преимущественно крестьянской стране, какою является Болгария, против и вопреки интересам огромного большинства рабочих и крестьян.

По политической линии обстановка на Балканах показывает, что разыгравшаяся там борьба чуть ли не поставила вплотную вопрос о возможности вспышки новой войны. Во всяком случае, на наших глазах разыгрываются такие события, которые могут найти отзвук во всем мире. Налицо события, могущие повести к обострению классовых отношений в такой стране, как Болгария, немаловажной стране на Балканах, к усилению гражданской войны в ней.

Германия и план Дауэса.

Перехожу к **Германии**. Здесь мы видим самые большие перемены. Тактика нашей партии по отношению к плану Дауэса была правильна. Интернационал одобряет эту тактику,—хотя с самого начала было ясно, что даже при правильной тактике нам временно нельзя будет добиться значительных успехов. Речь для нас шла о том, чтобы взять такую линию, которая показала бы пролетариату, что в перспективе исторического развития наша точка зрения верна.

В данный момент германский рабочий класс находится в таком положении, когда он еще видит «положительные» стороны плана Дауэса. Последние выражаются в оживлении промышленности, притоке капиталов, стабилизации валюты. Однако, эксплоатация Германии Антантой продолжается. Придет время—противоречия обострятся на новой почве. Мы открыто заявили в печати,—и это, кажется, вызвало большую сенсацию,—что непосредственно революционной ситуации, как это было в 1923 году, сейчас, в 1925 году, в Германии налицо не имеется. Я боюсь, что это утверждение может повлечь за собой особенно большие недоразумения. Без сомнения, найдутся товарищи, которые скажут: «Итак, нет ярко выраженной революционной ситуации. Это нам и надо установить, но, следовательно, и вся тактика Коммунистического Интернационала и германской партии неверна».

Надо открыто говорить о том, что есть в действительности. Иллюзии никогда еще не шли на пользу революции. Поскольку в Германии у нас сейчас нет налицо непосредственно-революционной ситуации, мы этот факт и отмечаем и анализируем. Но это, разумеется, отнюдь не равносильно прекращению в Германии классовой борьбы. Классовая борьба в Германии не прекратилась и отнюдь не прекратится. Подтверждением тому служат последние события. Стоит вспомнить только о нападении полиции на рабочих, происшедшем в Галле, о том, что пишет «Роте Фане» о демонстрациях, устроенных в связи с событиями в Галле. Мы видим, что классовая борьба выносится на улицу. Вновь надвигаются экономические стачки. Таким образом, борьба в Германии продолжается. При том, это уже не та классовая борьба, что разыгрывалась в довоенную эпоху, но классовая борьба именно эпохи послевоенной, т.-е. всегда и неизменно с зернышками гражданской войны. С другой стороны, это борьба не в духе 1923 года, но 1925 года с его специфическими чертами.

Происшедшие в Германии изменения резко бросаются в глаза. План Дауэса через некоторое время будет иметь последствием еще большее обострение классовой борьбы, которая не притупится, хотя бы ей и пришлось тянуться целые годы. Она вновь и вновь будет обостряться все на новой и новой основе.

Германия и Гинденбург.

Но особенное значение имеют последние события в Германии, избрание Гинденбурга германским президентом. Выборы Гинденбурга являются серьезной исторической иллюстрацией к нашему положению о стабилизации. Положение о стабилизации целиком оказывается в силе, оно не может быть поколеблено теми или другими отдельными событиями в той или другой стране. Частичная стабилизация есть факт, она заполнит собою известный промежуток времени, вероятно, в несколько лет; но все же о пределах этой стабилизации мы можем и должны судить, между прочим, и по таким событиям, как президентские выборы в Германии. В связи с результатом этих выборов в данный момент происходит мировой меньшевистский поход против коммунистов. Социал-демократы на всех языках во всем мире кричат, что в избрании Гинденбурга виновны исключительно коммунисты.

Я хочу привести один исторический пример, чтобы показать, как когда-то в аналогичном случае поступали социалистические партии. В 1913 г. происходили во Франции президентские выборы; конкурировали две кандидатуры: Пуанкаре, бывшего в то время председателем совета министров, и Памса—министра земледелия в министерстве Пуанкаре. Памс считался более левым, более радикальным, нежели Пуанкаре. Политические оттенки между последним и Памсом были, примерно, те же, как между Гинденбургом и Марксом. Во Франции поднялась отчаянная предвыборная горячка. Выборы происходили, в отличие от германских, не путем прямого голосования народа, а на основании французской конституции, в соединенном заседании сената и палаты депутатов. Голосование сложилось следующим образом: Пуанкаре и Памс получили почти поровну. Пуанкаре получил всего голосов на 13 больше. У социалистической фракции было тогда 70 голосов. Кандидатом социалистов был намечен Вальян. Социалисты голосовали за Вальяна, отдали ему свои голоса, превосходно зная, что этим они содействуют избранию Пуанкаре. Там не было никаких сомнений относительно исхода выборов, там не производилось тайного голосования, тем более, что у них

в обычае производить пробное голосование, учиненное и ... этот раз. И, тем не менее, французская социалистическая партия, входившая во II Интернационал, отнюдь не большевистская, возглавлявшаяся такими людьми, как Жорес, Вальян и Гед, единодушно решила: мы не дадим своих голосов ни Пуанкаре, ни Памсу, а дадим их своему депутату; они поступили так же, как депутаты меньшевики при выборах председателя государственной думы в России. Мы крыли меньшевиков не за то, что они не голосовали за Гучкова (до этого ни один меньшевик не додумался бы), а за то, что они мотивировали свое неголосование недостаточно революционным образом. В те времена еще не было такой откровенной близости между социал-демократией и буржуазией, как сейчас. Тогда еще не могло быть такого сговора, какой мы видели недавно: ты дашь министерский портфель Брауну, а я продам тебе 8 миллионов рабочих голосов за твоего поповского кандидата; я даже не сделаю попытки поставить тебя к политическому барьеру; у меня один выбор—между одним крылом буржуазии и другим крылом ее. Политика Гомперса стала теперь политикой всего II Интернационала. Это не грех напомнить теперь, когда они вешают собак на нас.

Политическое значение избрания Гинденбурга.

Все-таки самое значение выборов Гинденбурга большое. Не следует его переоценивать, но не следует и недооценивать. Все-таки факт, что в Германии после нескольких лет гражданской войны почти 15 миллионов немцев голосовало за Гинденбурга. Это половина избирателей Германии. И в этом смысле, разумеется, не следует недооценивать такого симптома. Значительная часть избирателей голосовала не столько за Гинденбурга, сколько за реванш против Антанты, против Версальского договора, против тех издевательств, которые нам не знакомы (потому что никогда наша страна—кроме краткого периода Брестского мира—не проходила через такую обстановку), но которые там вызывают величайшее возмущение и негодование в самых широких слоях народа. Очень может быть, что значительная часть избирателей голосовала не столько за Гинденбурга, сколько против Антанты, против французского и английского капитализма. Но все-таки факт остается фактом.

Тут опять напрашивается историческая аналогия. После разгрома Парижской Коммуны, если не ошибаюсь, в 1875 г. происходили выборы президента во Франции.

Утверждение республики в парламенте (1875 г.) прошло большинством в один голос, а президентом был избран Мак-Магон под лозунгом «Республика без республиканцев». Нечто подобное происходит сейчас в Германии. Выбирают такого президента республики, который пишет на своем знамени: «Республика без республиканцев», потому что гинденбурговская «республика» есть республика без республиканцев. Между положением во Франции 1875 года и в Германии 1925 года, конечно, колоссальная разница. Заключается она в том, что во Франции имел место разгром рабочего класса, потопленного в крови в Париже (там не было ни одной рабочей семьи, которая не насчитывала бы потерь), и революционное движение совершенно замерло. В Германии же сейчас мы имеем могучий рабочий класс, истрепанный в боях и переживший крупные поражения, но еще не давший окончательного боя; 15 милл. германских рабочих еще не сказали окончательно своего слова; а кругом Германии— страны с большим рабочим движением, и не только в Германии мы видим все возрастающую классовую борьбу. Партии Коминтерна завоевывают все глубже и глубже рабочий класс. В этом разница; но аналогия будет вполне справедлива: пока-что в Германии, так же как после поражения Коммуны во Франции, дело катится по рельсам к лозунгу—«Республика без республиканцев».

Каковы будут непосредственные результаты выборов Гинденбурга? Трудно предвидеть их сейчас целиком, однако, совершенно ясно, что внутри самой Германии это усилит и обострит рост политических противоречий. Социал-демократические вожди, которые нынче ведут погромную агитацию против коммунистов, очень скоро примирятся с Гинденбургом. Они носили его на руках в годы войны; они были последними, которые провозгласили буржуазную республику. Вельсы и Шейдеманы скоро примирятся с Гинденбургом. Но это не значит, что с Гинденбургом примирится германский рабочий класс. Этого не будет. Противоречия внутри Германии будут расти; в Германии создается гораздо менее устойчивое политическое положение, чем можно было думать.

А каковы будут международные политические последствия? Бесспорно, серьезные. Гинденбург—это означает, во всяком случае, не стабилизацию отношений между Германией и Францией, а, наоборот, их обострение. Гинденбург—это означает также не стабилизацию отношений между Германией и Польшей, а их обострение. Итак, по линии Германия—Франция, Германия—Польша, это есть создание неуверенного, беспокойного положения,—положения, полного опасностей и чреватого неожиданностями.

По отношению к нам самим, к Советской стране, дело обстоит гораздо более сложно. Тут будет происходить длительная игра сил. Прежде всего Антанта попытается в течение некоторого времени повести дело так, чтобы суметь противопоставить гинденбурговскую Германию Советскому Союзу. К этому дело шло еще до выборов Гинденбурга. Его же избрание дает возможность англичанам вести эту игру, правда, более длительно, но зато и более «солидно».

Вчера появилось сообщение о том, что будто бы Америка будет реагировать на избрание Гинденбурга отказом Германии в кредитах, т.-е. что она будет «держать руку в кошельке». Сегодня есть обратное известие, что избрание Гинденбурга расценивается, как укрепление консерватизма в Германии и как реакция против большевизма, что, по словам министра финансов Меллона, обеспечивает интересы тех, кто помещает свои капиталы в Германии. Понятно, что в Америке и во всем буржуазном мире найдутся элементы, делающие ставку на «более солидные» политические силы Германии, которые, по их мнению, могут еще спасти страну от большевизма.

Что происходит в Германии с точки зрения всемирно-исторических перспектив? Мы ждали в Германии пролетарской революции. В начале нашего Октября мы надеялись, что она совершится в течение нескольких месяцев. Революция в Германии пришла гораздо позже, но не та, не пролетарская, а лишь революция, скинувшая Вильгельма. С известными оговорками мы можем сказать, что в Германии произошла буржуазно-демократическая революция. Ее не следует смешивать с нашей буржуазно-демократической революцией, в виду различия социального переплета. То, что происходит сейчас, можно характеризовать, как некоторое обратное перерастание буржуазно-демократической революции к монархии полуфеодального, полубуржуазного типа. В то время, как у нас с февраля по октябрь, за 9 месяцев, мы видели весьма быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую,—в Германии мы наблюдаем сейчас на короткое время как бы обратное. В 1921 и 1923 годах нам казалось, что мы имеем в Германии переход к пролетарской революции. А сейчас мы видим некоторые конвульсии, некоторую судорогу в сторону обратного развития от буржуазной революции к Гинденбургу, к монархии. Я думаю, что это только эпизод, что это именно только судорога, но все-таки в высшей степени характерная судорога, понять которую нам необходимо.

Итак, победа Гинденбурга должна нас заставить, конечно, глубоко задуматься относительно молекулярных процессов, происходящих в на-

родных глубинах такой страны, как Германия, прошедшей через пекло гражданской войны; эта победа должна нас заставить вместе с тем понять, каковы размеры политической стабилизации и в Европе. Мы видим там ряд неожиданностей и возникновение таких факторов, которые могут поколебать эту стабилизацию сначала, может быть, направо, но судорожные колебания направо могут смениться такими же колебаниями влево. Все это ставит вопрос о рабочей революции в чрезвычайно новой обстановке и грозит нам новыми опасностями.

Положение в Польше, Италии, Чехо-Словакии и Скандинавии.

В **Польше** обстановка такова же, как и на Балканах. Сильное крестьянское движение, сильное движение национальных меньшинств, представляющее собою частично то же крестьянское движение, и затем сильное рабочее движение. Таким образом, и в Польше действуют в комбинации все эти три фактора. При поверхностном наблюдении и здесь можно констатировать некоторое улучшение для польской буржуазии, но не следует упускать из виду трех вышеупомянутых факторов.

Я позволю себе сказать еще два слова об **Италии**. Преодолеть там фашизм еще не удалось. Несколько недель тому назад казалось, что Муссолини уже приходит конец. На самом деле это оказалось не так. Но положение в Италии шаткое, неустойчивое и чревато чем угодно, только не консолидацией.

Теперь о **Чехо-Словакии**. Положение буржуазии там таково, что легального выхода из создающихся для нее трудностей она не находит. Коалиция разлетается в куски и чем дальше, тем все больше и заметней. Здесь опять-таки, как и в Польше и на Балканах, наблюдается взаимодействие тех же трех факторов. Правда, крестьянское движение, да и движение национальных меньшинств, здесь слабее, чем в вышеназванных странах. Зато важнейший из трех факторов,—рабочее движение,—в Чехо-Словакии гораздо сильнее, чем в других странах.

Что касается **Скандинавии**, этих «благословенных» стран мелкой буржуазии, где бразды правления находятся еще и сейчас в руках социал-демократических правительств, то характерно, что даже и там обостряется борьба. Идиллии там пришел конец. Резкая классовая борьба, свидетелями которой мы были последнее время в Скандинавии, в частности в Норвегии, а недавно и в Швеции и в Дании, свидетельствует об обострении классовых противоречий и в Скандинавии.

Стабилизация и... горячка вооружений в капиталистических странах *).

Создавшаяся обстановка говорит о том, что мы имеем налицо элементы неустойчивости. Сравните картину того, что мы видели год тому назад, с тем, что мы имеем сейчас. Год тому назад были Макдональд, Эррио, Эберт; в Юго-Славии—Давидович, а теперь на их месте Чемберлен, Гинденбург; во Франции—Бриан, потому что фактически он будет хозяином правительства; в Юго-Славии мы видим Пашича, старого знакомого по царским временам. Европа явно чернеет. Это есть колебание вправо, которое неизбежно влечет, однако, сдвиги влево.

На этих днях Муссолини, произнося в сенате речь, требовал новых кредитов на вооружение. Обращаясь к сенаторам, он сказал: неужели вы верите, что война 1914—1918 г.г. в действительности была, как многие утверждают, последней войной? В ответ на это раздались общие голоса сенаторов: конечно, нет! В итальянском сенате сидят также вполне почтенные люди, и по возрасту, и по всему прочему значительно сродни Гинденбургу. Они прямо и определенно отвечают: конечно, война еще будет. И они правы.

Сегодняшнее сообщение рассказывает, как ставится вопрос о вооружении в Швеции. Швеция, безмятежнейшая страна, не участвовавшая в войне, которая лежит далеко от столбовой дороги революции, и, представьте себе, там сейчас кипят страсти по поводу того, что не сегодня—завтра кто-то нападет на Швецию. Консерваторы ведут бешеную агитацию против сокращения вооружения.

Из разных местностей прибывают депутации с петициями к риксдагу и военному министерству против сокращения вооружений. Вчера в Стокгольме состоялся митинг по этому же вопросу. Среди других ораторов выступал также Свэн Гедин, который, между прочим, утверждал, что в Восточной Европе в любой момент могут возникнуть военные осложнения. Гедин ссылается в доказательство на взрывы в Ревеле и Софии. Выступавший также генерал Лидер пугал «русской опасностью», заявляя, что «нападение со стороны СССР будет в первую голову направлено на нейтрализованные Аландские острова, которые не могут быть защищаемы ни Финляндией, ни Швецией». В принятой на митинге резолюции подчеркивается необходимость усиленной обороны Стокгольма, которая якобы должна быть значительно ослаблена по проекту сокращения вооружений.

---

*) Доклад т. Зиновьева о расширенном пленуме **ИККИ** на **XIV** партконференции 26 апреля 1925 г.

Усиленная оборона Стокгольма! И в 1925 году по случаю стабилизации!! Казалось бы, кто-кто, а Стокгольм мог бы быть спокоен. Непосредственная опасность ему не угрожает. А между тем, почтенные сенаторы действуют почти так же бурно, как комсомольцы. Нужно, видите ли, защищать Стокгольм заблаговременно, нужно вооруженное укрепление Стокгольма.

Ллойд-Джордж тоже недавно говорил, что он не пессимист, но если присмотреться к тому, что происходит в Англии в хозяйственной области, то, по его убеждению, «если ничего радикального не произойдет, катастрофа неизбежна». Вот отзыв Муссолини, шведов и Ллойд-Джорджа. Прибавьте к этому недавнее совещание генеральных штабов в Риге, прибавьте еще к этому тот факт, что в связи с софийским взрывом прямо пахло порохом в таком уголке Балкан, который зажег войну в 1914 году.

Если сопоставить все это, становится ясным, что стабилизацию мы должны признать и из нее исходить; но нужно учитывать обстановку, размеры и характер этой стабилизации. Мы должны понять, что капитализм и теперь, в пору сравнительной стабилизации, не будет покоиться мирно, как в люльке. Это такая стабилизация, которая не противоречит тому, что то вправо, то влево будет происходить раскачка. А мы, видя эту частичную стабилизацию, должны видеть и судороги буржуазного строя, которые он переживает. Так мы должны ставить вопрос о стабилизации, чтобы быть близкими к действительности. Владимир Ильич еще в 1915 году писал, что «революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска с промежутками контр-революционных судорог буржуазного строя».

И сейчас мы имеем наглядную всемирно-историческую иллюстрацию этого положения. Действительно, революция состоит именно: 1) из ряда битв; 2) из долголетних битв; 3) перемежающихся с контр-революционными судорогами буржуазного строя.

Нынче мы переживаем одну такую контр-революционную судорогу. Можно сказать, на гребне этой контр-революционной волны приходится теперь нам грести. Она может затянуться даже на несколько лет и может быть чревата большими опасностями для нас. А в конечном счете это только судорога.

Мировое положение попрежнему остается об‘ективно революционным, хотя в отдельных странах непосредственно-революционная ситуация исчезла.

Подвожу итог: мы не должны выделять из общего комплекса Германию, где нам долгое время казалось, что вот-вот произойдет революция. Мы

должны анализировать мировое положение в целом и оценивать его таким, как оно есть. Мы—партия мировой революции, а не революции только русской или германской. А потому и оценка наша должна охватывать положение в мировом масштабе.

Итак, подводя итоги, мы должны сказать: на отдельных участках фронта борьба кипит уже не с такой силой, как в 1923 году. Если нет налицо и перемирия, то, во всяком случае, по сравнению с 1923 годом, на некоторых участках фронта борьба пошла временно (Германия) на убыль. И в Западной и в Центральной Европе уже нет налицо острой революционной ситуации. Что касается мирового положения в целом, оно попрежнему остается об'ективно революционным. Восток движется вперед гораздо решительнее, чем мы это полагали. Влияние Коммунистического Интернационала растет, идея всемирной революции становится на Востоке все более и более популярной. Англия оказывается расшатанной гораздо больше, чем нам это до сих пор казалось. Еще Маркс считал, что революция без Англии—буря в стакане воды. Если сопоставить положение Англии с положением Германии и принять затем во внимание прогрессирующее пробуждение Востока с его 900-миллионным населением, то окажется, что факторы, задерживающие революцию, и факторы, ее стимулирующие, приблизительно уравновешиваются взаимно.

Таким образом, общее положение таково, что, с точки зрения наших основных целей, нет ни малейшего основания для какого бы то ни было пессимизма.

Враги превратно толкуют наши решения *).

Для многих заявления относительно стабилизации были если не неожиданны, то в достаточной мере неприятны. Они резали ухо. Но тем не менее сказать это нужно было потому, что коммунистическое движение никогда еще не выигрывало от иллюзий и самообмана. Коммунизм был прав, когда в 1923 г., в пору обострившейся революционной ситуации в Германии, он поставил на карту все свое влияние; коммунизм был прав, когда он вслед за тем выжидал год—полтора, как мы выжидали в 1905 году в России, в расчете на то, что непосредственно-революционная ситуация быстро возобновится.

И коммунизм столь же прав, когда в 1925 году, при переходе количества в качество, он ставит точки над «i» и говорит, что в данный момент, особенно в Германии, где в 1923 году имелась непосредственно

---

*) Доклад т. Зиновьева о расширенном пленуме ИККИ на XIV партконфер. 26/IV—1925 г.

революционная ситуация,—такой ситуации сейчас нет. Заявление расширенного Исполкома Коминтерна о частичной стабилизации капитализма сейчас же было подхвачено капиталистической и социал-демократической печатью и было истолковано «расширительно»—в том смысле, что вообще мировая революция снята с очереди, перспектива на нее исчезла. Вражеский лагерь совершил «маленькую» фальсификацию. Мы говорили о частичной стабилизации,—слово «частичная» было опущено. Мы говорили об отсутствии непосредственно-революционной ситуации,—слово «непосредственно» было опущено. Получилось отсутствие всякой революционной ситуации и наличие полной консолидации, полной стабилизации капитализма. Пусть тешат себя!

В некоторых буржуазных кругах—я отношу сюда же и германскую социал-демократию—сенсация особенно велика. *) Слышатся ликующие голоса: слава богу, революции больше не бывать. В предвыборной кампании германская социал-демократия выпустила на днях листовки, начинающиеся словами: «Всемирная коммунистическая революция невозможна. Это признал Зиновьев». Итак—царит великая радость.

Коммунистический Интернационал стоит перед новой, довольно трудной обстановкой. Нам надо действительно уделить серьезное внимание вопросу о стабилизации капитализма. Некоторый минимум ошибок неизбежен, но не надо этим злоупотреблять.

Иные из наших товарищей уже и сейчас склонны делать преувеличенные, а то и ложные выводы из высказанного положения о частичной стабилизации капитализма в некоторых европейских странах. Говоря о частичном под'еме капитализма, мы нисколько не отказываемся от общей концепции, признававшей, что с 1917 года мы вступили в **период мировой революции.** Это, очевидно, многие начинают уже забывать. Наш отправной пункт остается прежним. Мы и сейчас считаем, что переживаем **период, эру мировой пролетарской революции,** одержавшей в 1917 году свою первую победу.

Классовая борьба последних лет пропитывается элементами гражданской войны.

Нельзя забывать, что, говоря об отсутствии непосредственно-революционной ситуации в Германии, мы имеем в виду лишь данный момент. По-

---

*) Заключительное слово т. Зиновьева на расширенном пленуме ИККИ 4 апреля 1925 г.

чему мы констатируем отсутствие непосредственно-революционной ситуации именно в Германии? Да потому, что не дальше как года полтора тому назад, такая ситуация была в Германии налицо. Произошли изменения. Надо их учесть. Но это отнюдь не значит, что революция в Германии ликвидирована.

Даже буржуазия не станет утверждать теперь, что капитализм вернулся к «нормальному» довоенному положению. Но если даже допустить подобное преувеличение, тогда возникает вопрос, что же было до войны? Была опять-таки подготовка войны, была классовая борьба, постепенно обострявшаяся до степени гражданской войны. В данный момент непосредственной гражданской войны в Европе не происходит. Но в Европе протекает непрерывная классовая борьба. А классовая борьба послевоенной эпохи отнюдь не менее остра, чем классовая борьба до войны. Наоборот, почти всюду в европейских странах классовая борьба после войны пропитывается элементами гражданской войны. Чем отличается классовая борьба 1925 года от классовой борьбы 1910 — 12 — 13 годов? Неужто более мирным характером? По-моему, наоборот, нынешняя классовая борьба более пропитана элементами гражданской войны и носит более острый характер, чем до войны.

Три вида революционной ситуации *).

Я думаю, что надо различать три вещи: 1) революционную ситуацию вообще, 2) непосредственно-революционную ситуацию и 3) прямую революцию. Этого разграничения мы, к сожалению, на расширенном заседании Исполкома Коминтерна с достаточной ясностью не подчеркнули, и необходимо это сделать сейчас. Не так давно опубликована статья Владимира Ильича, написанная в 1915 году и посвященная немецкой брошюре Аксельрода. Эта статья только теперь впервые увидела свет потому, что никто за границей тогда не хотел ее печатать. Она дает, мне кажется, ключ к постановке вопроса об этом различии—революционной ситуации, непосредственно-революционной ситуации и революции. Аксельрод в своей брошюре говорил примерно так: может быть, Ленин с его диким лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую и поражения всех буржуазных правительств был бы более или менее прав, если бы было доказано, что мы имеем революционную ситуацию в Европе, так же, как это было в 1901 г. относительно России. В. И. ухватился за это заявление и пишет: «При-

---

*) Доклад т. Зиновьева об итогах расширенного пленума ИККИ на XIV партконференции 29/IV—1925 г.

мер, взятый Аксельродом, разоблачает нашего оппортуниста бесподобно. Мог ли кто-нибудь, не сойдя с ума, «утверждать» наверное в 1901 г., что решающая борьба с абсолютизмом в России предстоит непосредственно?» Никто не мог, никто не утверждал. Никто не мог тогда знать, что через четыре года предстоит одна из решающих битв (декабрь 1905 г.), а следующая «решающая битва с абсолютизмом» предстоит «может быть, в 1915—1916 гг., а может быть, и позже».

Тут замечательно, как В. И. во времени почти не ошибся. В 1915 г. он пишет, что в 1916 году предстоит вторая решающая битва, а вышло, что в 1917 году. Он продолжает так:

«Если никто не утверждал, не только наверное, а и вообще не утверждал, в 1901 году, что решающая битва предстоит «непосредственно», если мы утверждали тогда, что «истерические» крики Кричевского и К° о «непосредственной битве» несерьезны, то мы, революционные с.-д., утверждали тогда наверное иную вещь: мы утверждали тогда, что только безнадежные оппортунисты могли в 1901 году не понимать задачи непосредственной поддержки революционных демонстраций 1901 года, поощрения, развития их, пропаганды самых решительных революционных лозунгов для них. И история оправдала нас, только нас, осудив оппортунистов и выкинув их на деле вон из рабочего движения, хотя «непосредственно» решающей битвы не предстояло, хотя первая решающая битва произошла только через четыре года и все же оказалась не последней, значит, не решающей.

Совершенно то же самое, буквально то же самое переживает Европа теперь. Ни тени сомнения не может быть, что в Европе 1915 года есть налицо революционная ситуация, как была она в России 1901 года. Мы не можем знать, произойдет ли первая «решающая» битва пролетариата с буржуазией через четыре года или через два, или через десять и более лет,—последует ли вторая «решающая» битва еще через десятилетие. Но мы твердо знаем и «наверное» утверждаем, что теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать начинающееся (родившееся) брожение и демонстрации, которые уже начались. В Германии толпа освистывала Шейдемана, во многих странах толпа демонстрировала против дороговизны».

Для Владимира Ильича это было тогда таким же доказательством революционной ситуации, как студенческие демонстрации в 1901 году в России. Теперь это—другое дело, но в 1916 году это служило одним из доказательств того, что революционная ситуация налицо. А вместе с тем, когда она перейдет в революцию,—говорил он,—неизвестно.

Эти нехитрые вещи—разницу между общей революционной ситуацией и непосредственно-революционной ситуацией—необходимо нам сейчас самим точно понять и раз'яснить рабочим всего мира. Если взять наш собственный пример—1902 г., тогда ясно: революционная ситуация была налицо. Студенческие забастовки заставляли кое-кого из представителей правого крыла, как экономиста Кричевского, потерять голову и кричать: «стройтесь в штурмовые колонны, бой пришел». Вл. Ильич льет холодную воду на их голову и говорит: «это еще не исторический поворот, а пока еще только «исторический» поворот Кричевского». Но что общая революционная ситуация налицо,—это в 1902 г. В. И. видит яснее всех. А в 1905 г. мы имеем уже непосредственно-революционную ситуацию. И тогда Владимир Ильич дает призыв: «стройтесь в штурмовые колонны». Мы видим затем, как непосредственно-революционная ситуация переходит в революцию 1905 г., однако, революция не побеждает.

В 1906 г. Ленин и большевистская партия продолжают настаивать на том, что непосредственно-революционная ситуация налицо. Многие меньшевики смеялись над Владимиром Ильичем за то, что он, как они говорили, назначал восстание крестьян после полевых работ. Действительно, Вл. Ильич писал, что мужики после полевых работ скорее примкнут (это он связывал и с рекрутским набором) к рабочим. Меньшевики смеялись по этому поводу и говорили: полевые работы прошли, а вашего восстания что-то не видно. До 1907 г. большевики полагали, что вторая революция повторится в кратчайший срок, и продолжали исходить из того, что существует острая, непосредствено-революционная ситуация. И только к 1908 г. большевики начинают признавать, что непосредственно-революционной ситуации нет. Однако, общая революционная ситуация остается. Вторая революция придет. И мы всю тактику свою строили именно в предвидении этой грядущей революции.

Аналогичное явление мы наблюдаем теперь в Германии, до известной степени на Балканах. В совершенно другой стадии находится дело, например, в Англии, где впервые проявляется только начало общей революционной ситуации. Политические шарлатаны из II Интернационала пытаются представить дело так, будто на расширенном Исполкоме Коминтерна вообще мы признали, что нет никакой революционной ситуации, и будто бы снят с очереди вопрос о мировой революции; они пытаются уверить рабочий класс в том, будто мы признали не замедленный темп революции, а крах всей этой перспективы. В этом заключается жульничество II Интернационала, который и в этом вопросе служит службу господам буржуа.

Я думаю, что именно нашей партии, которая имеет богатый исторический опыт, необходимо сейчас с особенной конкретностью указать на то, что необходимо различать революционную ситуацию вообще и непосредственно-революционную ситуацию. Не надо сеять иллюзий. Надо признать, что в такой стране, как Германия, которая в 1923 г. стояла в центре событий, непосредственно-революционной ситуации нет, но общая революционная ситуация, общая, как и во всей Европе, несомненно, осталась; она обостряется в мировом масштабе медленно, но неуклонно—через Восток, через колониальный вопрос, через Юго-Восток. Это надо учитывать и не терять революционной перспективы.

Я вспоминаю, как в 1918 г. ренегата Каутского Владимир Ильич ловил на слове и говорил: когда-то ты был марксистом, в 1909 году («Путь к власти») ты признавал, что Европа находится в состоянии революции. В 1902 г. в книжке «Социальная революция» ты тоже признавал, что Европа находится в революционном положении. Само собою понятно, что сейчас мы можем сказать это с гораздо большим правом, ибо положение в Европе значительно острее, чем в 1909 году. Эпоха войн и революций не прекращается, мы стоим не в «конце концов», а в «начале начал» этой эпохи. Положение в Европе революционно не только в том смысле, что капитализм вообще должен порождать революционную обстановку, а в том, что 1) капитализм после империалистической войны раздирается гораздо большими противоречиями, чем до нее, 2) в том, что на $1/6$ части земной суши существует Советская власть, 3) что вопрос восточный, вопрос об угнетенных народах стоит гораздо острее, чем до сих пор.

История показывает ускорение темпа революционного развития *).

Сколько же времени будет длиться нынешняя стабилизация? Какой промежуток времени она захватит в Германии и других странах? Точно этого никто сказать не сможет. Можно лишь попытаться нащупать ответ путем сопоставления различных явлений. Нарастание темпа мирового революционного развития теперь вообще происходит гораздо быстрее, чем раньше. Это все мы видим. Обращаясь к историческим революционным датам, мы видим, что Великую Французскую Революцию 1789 года от революции 1848 года отделяют почти 60 лет. Затем дело идет скорее, и Парижскую Коммуну 1871 года от революции 1848 года отделяют

*) Заключительное слово т. Зиновьева на заседании расширенного пленума ИККИ 4 апреля 1925 г.

лишь 20 с лишним лет; чуточку больший период, далее, отделяет революцию 1905 года от 1871. Промежуток между 1905 г. и 1917 г. уже гораздо меньше. В последующие годы—1917—1925—последние 8 лет—развитие происходит очень быстро, хотя и не так ускоренно, как нам бы этого хотелось. Как долго еще продлится нынешняя межреволюционная полоса? С 1917 и до какого года? Точного ответа не даст никто. Но общая линия видна. Бег истории все более и более ускоряется. Темп исторического развития вообще, темп революционного развития делается в общем все более быстрым.

Каково ныне общее политическое положение рабочего класса? Мне приходилось уже слышать плачевные выводы в отношении отдельных стран. Исходя из того, что непосредственно революционной ситуации в некоторых странах сейчас нет, иные заявляют, что рабочий класс разбит, распылен, и что потребуются годы, пока он вновь соберется с силами.

Рабочий класс в эпоху прежних революций.

Сравним же общее положение рабочего класса ныне с положением его в эпоху прежних революций. В борьбе 1848 года первые вспышки пролетарского движения были настолько основательно потоплены в крови рабочих, что возрождения революционного движения приходилось ждать целое поколение. Затем — Парижская Коммуна 1871 года. После разгрома Коммуны в Париже трудно было найти неосиротевшую рабочую семью. Велик был тогда упадок духа во французском пролетариате, и все же не прошло и десятилетия, как французский рабочий класс снова воспрянул к борьбе. Десять лет спустя после Парижской Коммуны французское рабочее движение уже оправилось от нанесенного ему удара. Вспомните затем революцию 1905 года в России: она тоже была подавлена и потоплена в пролетарской крови. Наступил тяжелый кризис. Рабочему классу России пришлось иметь дело с жестоким врагом. Однако, не прошло и десятилетия, как русский пролетариат вновь встал на ноги и победоносно повел борьбу.

Рабочий класс не разбит.

Обратимся к Германии. Возьмем 1918—1923 годы. В эту пору германский пролетариат бился за революцию. Борьба шла не по неуклонно восходящей прямой, она протекала с перебоями и сопровождалась тяжелыми потерями со стороны рабочего класса. В европейском рабочем дви-

жении самые тяжелые жертвы за это время выпали на долю пролетариата германского. И, однако, что наблюдаем мы теперь в Германии, в стране, проходящей через полосу некоторой стабилизации капитализма? Разве есть там в рабочем классе что-либо подобное таким повальным настроениям отчаяния и упадка, сопровождавшим 1848 и 1871 годы? Ничего подобного! Значительный слой рабочего класса Германии сохранил свою бодрость, не теряет выдержки и в самой трудной обстановке непоколебимо идет за коммунистической партией.

А в других странах — во Франции, в Чехо-Словакии, в Польше? Видим ли мы там разбитый, раздавленный пролетариат, который может возродиться для революции лишь через долгий ряд лет? Ничего подобного! Положение здесь иное: рабочий класс только пытался произвести революцию, но он не переходил еще к решающим боям. Ни в одной из стран Европы нет, ведь, такого положения, когда рабочий класс после тяжелой борьбы разбит на-голову, когда, пожалуй, нужно ожидать, пока подрастет новое поколение. Этого нет! Мы видим лишь, что силы рабочего класса еще не созрели, еще недостаточны для того, чтобы одержать победу над буржуазией; но рабочий класс ни в коем случае не обезглавлен, не разбит, не подавлен, не затоплен волнами белого террора. Положение там совершенно отлично от положения в Венгрии или Финляндии, где царил белый террор; но — стоит это отметить — даже и в таких странах, как Венгрия, Финляндия, Эстония, несмотря на бушующий там террор, достаточно лишь нескольких лет, чтобы пролетариат вновь воспрянул к борьбе.

Я говорю все это, дабы предостеречь от неверной оценки современного политического положения и состояния международного рабочего движения. Допустим, что в стране, где год тому назад клокотал революционный котел, ситуация перестала быть непосредственно-революционной. Это обстоятельство отнюдь не должно служит причиной возникновения и роста упадочных настроений в нашей среде, оно не может привести нас к мысли, что всюду в Европе разбито на-голову все наше поколение рабочего класса, как это было после 1848 и 1871 годов.

Рабочий класс имеет крепкий революционный тыл — СССР.

Я набросал семь пунктов, характеризующих особенности текущего момента, применительно к интересующему нас вопросу.

Первое. Возьмем полосу до 1917 года. Рабочий класс разных стран боролся тогда изолированно. Мы не можем отметить в этот период ни

в одной стране ни одной более или менее решительной победы пролетариата. Каково же положение сейчас? Теперь международный пролетариат одержал в одной из стран более или менее окончательную победу. Я имею в виду СССР, шестую часть земного шара. Громадное значение имеет тот факт, что международный рабочий класс, что отдельные части рабочего класса, борющиеся против мировой буржуазии, имеют за собой опорный пункт, своего рода революционный тыл. Этот факт сам по себе имеет громадное историческое значение и ясно показывает, что нынешнее положение нельзя просто приравнивать к кризису, имевшему место после 1848 или 1871 годов. Итак, первый факт—победа, хотя и не окончательная, рабочего класса одной страны, создавшая для международного пролетариата революционный тыл.

На помощь мировому пролетариату идет Восток.

Вторым фактором является Восток. Социал-демократы изощряются в остротах по поводу того, что вот, дескать, наивные люди намерены в Китае теперь произвести революцию. Но дело в том, что Китай имеет 400-миллионное население, что он подлинно может приобрести и приобретает мировое историческое значение, что мировой капитализм сейчас уже не может овладеть этой величайшей стихией, приходящей в движение.

Передовые отряды европейского пролетариата, разбитые генералом Галифе в Париже или даже позднее царизмом в 1905 г. в России, сражались одиноко, не находя прямой поддержки в остальной Европе и в колониях. Пробуждение Востока кладет конец такой изолированности рабочего класса; на историческую арену выбиваются новые силы, приобретающие крупнейшее значение для всего революционного движения.

Война революционизировала широчайшие массы рабочих и крестьян.

Третье. Мы пережили всемирную войну и живем в период подготовки новой. Всюду в Европе произошло пробуждение широчайших масс, в том числе крестьянства. После империалистической войны массы уже не те, что до нее. Всемирная война сыграла роль величайшего «политического университета» для международного пролетариата и крестьянства. Накопленный рабочим классом, прошедшим во время мировой войны через горнило страданий, политический опыт должен неизбежно стать противоядием против любого идеологического кризиса в пролетариате. Этой яркой чертой также отмечена наша эпоха в отличие от прошлого.

Пролетариат живет в атмосфере гражданской войны.

Четвертое. Классовые противоречия нашей эпохи, как я уже отмечал в своем вступлении, проникнуты элементами гражданской войны. До 1917 года европейский пролетариат о гражданской войне только поговаривал, да и то не часто, да и то неясно. С 1917 по 1925 год почти весь европейский пролетариат живет в обстановке, в атмосфере гражданской войны. Он меньше страшится кровавых боев. Всем вам знакома психология рабочих масс, создавшаяся со времени войны.

Пробуждение крестьянства.

Пятое. Пробуждение крестьянства. Одной из причин гибели Парижской Коммуны явилось враждебное отношение крестьянства к рабочему классу. Российский пролетариат потерпел в 1905 году поражение в первую голову потому, что русское крестьянство шло еще тогда против рабочего класса. Во всех прежних революционных боях крестьянство не только не занимало нейтральной позиции, но часто относилось к рабочим прямо враждебно. Иное положение начинает занимать крестьянство в наши дни. Самые рядовые рабочие должны сейчас инстинктивно почувствовать, что они не так уже изолированы и одиноки в своей борьбе, как ушедшие поколения.

Революция не разбита.

Шестое. Мы не прошли полосы разбитых на-голову революций. Во всей Европе положение характеризуется лишь недостаточной еще зрелостью сил рабочего класса для совершения победоносной революции.

Седьмое. Революционный рабочий класс имеет теперь свой боевой штаб — Коммунистический Интернационал, воплощающий опыт революционного движения и оказывающий большую помощь отдельным отрядам международного пролетириата. В былые времена об этом еще не было и речи.

Две стабилизации *).

Нужно говорить не об одной, а о двух стабилизациях: о стабилизации капиталистического строя и о стабилизации нашей—собственной (СССР).

---

*) Заключительное слово 3-4 апреля 1925 г. т. Зиновьева на расширенном пленуме ИККИ.

Один товарищ, принадлежащий, очевидно, к числу учащихся, прислал мне письмо, в котором он пишет: «Стабилизация нашего хозяйства есть не что иное, как стабилизация части единого целого мирового хозяйства, поскольку мы вошли составным звеном в общественные отношения мирового товарного хозяйства. Так что стабилизация нашего хозяйства отнюдь не означает пропорционального разложения буржуазных стран. Ведь, этим можно пользоваться только агитационно?»

Он высказывает эту мысль чисто-«академически»: наша стабилизация отнюдь не означает пропорционального разложения буржуазного строя. «Пропорционального»—может быть, и нет. Но если из того факта, что у нас есть Внешторг, который торгует с капиталистическими странами, делать заключение, что мы являемся составной частью буржуазного хозяйства, это значит попадать пальцем в небо.

Тот факт, что мы оказались составным звеном в мировых отношениях, свидетельствует о нашей силе. Но то, что мы строим свое социалистическое хозяйство по-своему, строим его не первый год, и имеем правильную перспективу, как построить его дальше, — этот факт сам по себе подкапывается под буржуазный строй.

Вопрос о мировой революции ни на секунду нельзя поставить вне связи с революцией в той стране, в которой пролетариат уже победил. Эта проблема стоит с первых дней революции и становится все сложнее и острее. И когда расширенный Исполком Коминтерна признал, что началась частичная стабилизация капиталистического хозяйства, вопрос о том, как это отражается на построении социализма в нашей стране, является особенно значительным.

Ответ ясен. Если бы наше хозяйство не укреплялось, мы имели бы своего рода «ножницы»; мы наблюдали бы их значительное размыкание; мы видели бы, как наше хозяйство расползается, как мы слабеем, а мировая буржуазия укрепляется. Мы в этом случае шли бы по нисходящей, а они—по восходящей линии. Этого больше всего боялся т. Ленин. Помните, с каким восторгом он говорил на IV конгрессе о первых проблесках наших денежных успехов и на этом основании строил радужные перспективы развития нашего хозяйства. Он придавал этому вопросу такое значение потому, что видел прямую связь между развитием мировой революции и укреплением хозяйства нашей страны. Констатируя частичную стабилизацию в стане врага, мы в праве сказать, что у нас-то дело наверняка идет по восходящей линии, идет быстро, и не только в смысле роста производства вообще, но и в смысле роста социалистических элементов его.

Увязка нашей и мировой революции в ленинской оценке *).

Вопрос о том, как увязывается победа пролетарской революции в одной стране с ее задачами применительно ко всем остальным странам мира,—эта глубочайшей важности проблема ставится теперь перед нами очень актуально. Эта задача теоретически разрешена тов. Лениным. И мы в своих тезисах, желая предупредить всевозможные возражения, желая избегнуть каких бы то ни было недоразумений и стремясь дать с наибольшей полнотой освещение данного вопроса под всеми углами зрения, постарались ответить на него преимущественно оценками самого т. Ленина.

В 1915 году тов. Ленин впервые ставит этот вопрос в самой общей форме, говоря, что революция будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска с промежутками контр-революционных судорог. В статье, помещенной в сборнике «Против течения», которую мы много раз цитировали, тов. Ленин, борясь против Каутскаго и отчасти против теории тов. Троцкого, формулирует свой закон капитализма, устанавливающий неравномерность его развития. На основании этого закона тов. Ленин пишет книгу об империализме. Затем в 1917 году, после февральской революции, в известном письме к швейцарским рабочим т. Ленин излагает программу русской революции, где заявляет, что «российский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию, он только может начать ее». Особенно остро ставится этот вопрос в целом ряде выступлений т. Ленина во время Брестского мира на VII с'езде нашей партии (начало 1918 г.). В своей замечательной статье «О левом ребячестве» тов. Ленин говорит о знаменитом «цыпленке». Он заявляет: «Социализм немыслим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. История... пошла так своеобразно, что родила в 1918 г. две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальные осуществления экономических, производственных, общественно - хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны».

Затем следует «Ренегат Каутский» с целой главой на эту тему. И дальше заявление т. Ленина, сделанное 13 марта 1919 г., относительно того, что мы живем в системе государств, и продолжительное время не

*) Доклад т. Зиновьева о расширенном пленуме ИККИ на XIV партконференции 26 апреля 1925 г.

могут существовать рядом обе системы, — в конце концов победит либо одна, либо другая. В других выступлениях тов. Ленин специально поясняет, что в «конце концов» не значит в «начале начал». Далее идет целый ряд выступлений: 27 ноября 1920 года речь о концессиях в Москве (в высшей степени важная), речь на III конгрессе Коминтерна, замечания в первоначальном плане о продналоге 1921 г. и, наконец, последние заявления, которые мы особенно должны запомнить,—его политическое завещание—записи из дневника 1922—23 года, где особенно важны мысли о кооперации и о Востоке. Из этих цитат ясно, что Владимир Ильич считает возможным полное построение социализма в такой стране, как наша, если мы будем обеспечены от международного вмешательства, даже при помощи только одной кооперации. И в то же время он, как международный пролетарский революционер, не перестает подчеркивать, что окончательная победа возможна только в международном масштабе, что без международной революции наша победа не прочна и не окончательна.

Для того, чтобы представить себе ленинскую постановку особенно жгучего сейчас вопроса об увязке победы пролетарской революции в одной стране с ее задачами во всех других странах, нам необходимо проследить всю гамму ленинизма, начиная от его выступления в 1915 г. и кончая выступлением о кооперации и Востоке. Вопрос имеет для нас теперь не только теоретическое, но и глубоко-практическое значение. Я напомню вам, что говорил т. Ленин в брошюре «О продналоге» (1921 г.), он говорил:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царят патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом, разве не преобладают везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?»

«Мыслимо ли,—говорит Владимир Ильич,—осуществление непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму?» И отвечает: «Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь точно, благодаря одной

громадной и завершенной научной работе. Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо в свою очередь лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка».

Вы видите здесь чисто-практическую постановку вопроса. Владимир Ильич берет географическую карту и говорит: смотрите к юго-востоку от Ростова-на-Дону, Саратова, Оренбурга и т. д., смотрите, какая патриархальщина, какая полудикость, какая обломовщина, какая неразвитость общественных отношений и производительных сил. И все-таки эту страну, вырванную нами из рук буржуазии, по его мнению, возможно переделать в социалистическую. Возможно при известных условиях: если всю страну электрифицировать. Владимир Ильич ставит так вопрос, ни на минуту не выхватывая его из международных рамок. Ленин—революционер международный; он знает, что окончательная победа дается только в международном масштабе, что полной гарантии от реставрации буржуазных отношений можно достигнуть только с победой в международном масштабе. Но вместе с тем он отстаивал и проводил в своих статьях ту мысль, что и нашу страну с ее патриархальщиной, обломовщиной, полудикостью можно переделать в социалистическую. В своей последней речи в Московском Совете он дал нам свой великий завет: переделать нэповскую Россию в социалистическую страну.

Сейчас этот завет получил огромное значение для всех нас. Вопрос о частичной стабилизации капитализма в Европе неверно преломляется в сознании иных членов нашей партии, особенно из среды учащейся молодежи, и сбивает их с правильной позиции. Мы, как партия, должны поработать над раз'яснением того ленинского положения, что и в нашей нищей стране можно строить социализм, даже находясь в капиталистическом окружении. Мы все признали частичную стабилизацию капитализма в Европе, все признали, что дело мировой революции пойдет медленнее. Означает ли это для России неизбежность мелкобуржуазного перерождения, означает ли это застой в нашем революционном развитии или возвращении вспять? Надо сказать, что такое толкование не суще-

ствует, как оформленное течение, такое настроение только кое-где носится в воздухе, и это настроение вполне понятно в такой стадии революционного движения.

Укрепление Советского Союза.

Момент, характеризующий современное политическое положение, сводится к вопросу о хозяйственном возрождении **Союза Советских Социалистических Республик**. Как обстоит дело здесь? Что Союз усилился, что экономическое и политическое положение его укрепилось, видно всякому. В первую голову улучшилось хозяйственное положение, что для нас наиболее важно. Вы помните, как Ленин на IV конгрессе был счастлив, что мог сообщить нам: мы накопили уже 10 миллионов золота и, таким образом, можем двинуть восстановление металлической промышленности. Теперь 10 миллионов уже далеко не имеют для нас решающего значения. Кое-кто из друзей нашей оппозиции более или менее открыто заявляли во время V конгресса Коминтерна: подождите до осени, тогда у «них» (т.-е. у правительства СССР) будет бюджет с дефицитом в 400 миллионов, и тогда вы увидите в какие тиски попадет ЦК. Но что же случилось? Я не выдаю государственной тайны, заявляя, что у нас не только нет минуса в 400 миллионов, а, напротив, есть порядочных размеров плюс. Если в 1923 г. 10 миллионов, которые дала нам внешняя торговля, считались важным достижением, то я полагаю, что плюс, о котором я упомянул, является еще более ярким показателем упрочения Советского Союза. Рост хозяйства вполне очевиден и не надо доказывать его на отдельных примерах, как это приходилось делать два года назад, когда только еще обрисовывались первые достижения в указанной области.

Я мог бы рекомендовать небольшую книжку тов. Крумина, редактора нашей газеты «Экономич. Жизнь», называющуюся «Под знаком роста и укрепления». На протяжении 30 страниц тов. Крумин приводит основные цифры, наглядно показывающие рост и укрепление нашего народного хозяйства. В этой книжечке вы найдете самое главное, самое существенное для характеристики нашего хозяйственного положения к началу 1925 г. Я поэтому ограничусь лишь некоторыми цифрами и указанием на основные факты.

Денежная реформа закрепилась.

Важнейший факт, характеризующий нашу нынешнюю экономику, заключается в том, что денежная реформа закрепилась окончательно.

Даже белогвардейцы перестали мечтать о том, что денежная реформа у нас еще поскользнется или поколеблется. Все они считают нашу денежную реформу совершившимся фактом.

К успехам привыкаешь очень скоро, и мы уже также считаем, само собой разумеется, что у нас есть твердая советская деньга. А между тем совсем недавно было время, когда, например, тов. Ленин буквально говорил: «удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии на всегда стабилизовать рубль—значит мы выиграли». Не удастся—значит проиграли. Вопрос о твердом рубле был в свое время вопросом судеб всей нашей революции. И вот в этом деле мы выиграли. Мы выиграли прочно. Никаких оснований ждать колебаний здесь нет. Белогвардейцам остается утешаться только тем, что они на основании шулерского сопоставления публикуемых нами цифр пытаются «доказать», будто у нас расходуется не больше, не меньше, как 200 милл. золотом на Коминтерновскую пропаганду. Это, конечно, явная ложь, но по этому поводу идет у них больше всего шума.

Итак, денежная реформа закреплена—вот первый основной факт теперешнего хозяйственного положения.

Рост сельского хозяйства.

Второй факт—рост промышленных культур сельского хозяйства. Совершенно непреложно, что у нас растут все те сельско-хозяйственные культуры, которые связаны с такими существенными отраслями производства, как, скажем, сахарное, текстильное и целый ряд других. Близко время, когда мы будем иметь то же количество хлопка, что и раньше, без ввоза его из-за границы.

Третий основной факт—в области сельского хозяйства мы вплотную подходим к довоенным нормам, к нормам 1914—16 г.г. Вы помните, что, когда на очередь стала проблема налажения нашего хозяйства, примерно, с 1920—21 г.г., тов. Ленин не уставал твердить (между прочим, в борьбе против тогдашней оппозиции), что начать надо с крестьян и крестьянского хозяйства. По этому поводу особенно горячая борьба была с так называемой «рабочей оппозицией», которая видела в такой политике некое предательство пролетарских интересов и считала, что мы слишком «окрестьяниваемся», слишком берем крестьянский наклон или даже «уклон», как иные говорили. Между тем, тов. Ленин доказывал особенно наглядно на X с‘езде партии, что восстановление хозяйства в такой стране, как наша, т.-е. в стране, где преобладает крестьянство,

надо начать именно с крестьянской стороны. Начать, но, разумеется, не застрять на этом, а параллельно стремиться к поднятию городской промышленности, являющейся фундаментом пролетарской диктатуры. С крестьянского хозяйства, с этого мы начинали по указанию тов. Ленина, и в этой области мы подводим теперь определенный итог.

Несмотря на неурожай последнего года, мы вплотную подходим в сельском хозяйстве к довоенным нормам. Площадь засева в таких областях, как, скажем, Украина, уже приблизилась к 100 процентам довоенной. Площадь засева во всем Союзе Республик на круг исчисляется около 90 процентов, 87 процентов—это минимальная цифра. Количество скота растет и в ряде губерний даже начинает обгонять довоенный уровень. В целом во всей стране количество лошадей и другого скота также подходит к довоенным нормам.

Рост промышленности.

И, наконец, следующий основной фактор нашего хозяйства—промышленность. Мы до сих пор работали преимущественно в области поднятия легкой промышленности, где дело,—по словам опять-таки тов. Ленина,—должно было итти сравнительно легко. Мы теперь вплотную подошли к задаче поднятия тяжелой промышленности, основы пролетарской диктатуры, той отрасли промышленности, где дело, в особенности вначале, неизбежно двигается гораздо медленнее. Но все-таки и оно уже двинулось серьезно вперед.

Мы свою топливную промышленность, угольную и нефтяную подняли до уровня довоенного времени. Перед нами стоит сейчас большая задача—найти рынок сбыта для нашего топлива. Мы вплотную подошли к вопросу о том, сумеем ли мы успешно конкурировать, например, на французском рынке с американской нефтью. Франция для своего военного флота покупает определенные, хорошие сорта нефти, имеющиеся у нас. Мы стоим перед вопросом, сумеем ли мы дать эти сорта нефти дешевле, чем Америка, и по всем видимостям сумеем. Подобный факт имеет громадное значение не только для нашего хозяйства, но и для нашего международного положения.

Наша тяжелая промышленность за истекший год по всему Союзу Республик поднялась на 30 проц. Это маловато, но все же представляет некоторый успех. Но главное достижение заключается в том, что за последние недели мы в Центральном Комитете явно увидели определенную возможность двинуться вперед гораздо быстрее.

Первый крупный успех в области металла.

Два факта, установленные только-что закончившимся пленумом ЦК, лучше всего свидетельствуют о степени упрочения нашего хозяйственного положения. Первый факт относится к области тяжелой промышленности, к вопросу о развертывании металлической промышленности. На XIII с'езде наша партия дала лозунг—металл! Кое-что в этой области уже сделано, Но мало, очень мало. Надо серьезнее поработать над выполнением этого лозунга. В тяжелой промышленности мы двинулись на 30 проц., а в области металла на 40 проц. вперед. Между тем, пленум ЦК, только-что закончившийся, подойдя к вопросу очень осторожно и учтя все данные по всему Союзу Республик, постановил увеличить программу металлургии не на 40, а на 55 проц., т.-е. набавил 15 проц. Первый случай такого рода в нашей хозяйственной практике. До сих пор бывало наоборот; даем программу большую, а потом вынуждены ее сокращать. А тут обратный факт, и при том не в области текстиля, где дело сравнительно легче, не в области легкой промышленности, а в области самой трудной для нас—области поднятия металлургии.

В первый раз за время революции ЦК рассматривал предложение ВСНХ о том, что нужно будет ассигновать некую сумму на проектирование первоначальных работ по созданию новых заводов на Урале и на юге. Конечно, в Ленинграде у нас речь идет пока еще о том, чтобы поднять все старые заводы, а на Урале и на юге, как видите, стал уже вопрос о проектировании новых заводов (хотя и там старые заводы далеко еще не загружены). Задача эта уже не столь отдаленного будущего. Дело здесь двигается. Покамест предпринимаются некоторые, правда кустарные, меры. Например, уральские цекисты рассказывали, что они прибегли к такому методу: у них хлебозаготовки в нынешнем году идут успешно,—на Урале урожай был не плох.—и вот они заставили хлебозаготовительные организации отчислить по 3 коп. с пуда. Из таких отчислений набралась уже порядочная сумма. Собранные таким образом средства хлебозаготовительные организации, в качестве акционеров, вкладывают в дело поднятия некоторых заводов, в том числе и заводов, которые должны были пойти в концессию к Уркарту.

Я считаю, что такое маленькое событие имеет очень большое значение и для поднятия нашего хозяйства и для усиления нашего международного положения. Итак, в области тяжелой промышленности сделан шаг вперед, в частности, в области металлургии. Предполагалось шаг-

нуть вперед на 40 проц. Пленум ЦК поправил: шагать быстрее, усилить развертывание металлургической промышленности еще на 15 проц., а всего на 55 проц. в этом году, готовиться к постройке новых заводов на Урале и на юге.

Производительность труда и заработная плата.

Ближайшая основная задача в области хозяйства сводится к тому, чтобы еще поднять производительность труда,—кампания, которая дала уже некоторые результаты, но недостаточные—обольщаться ими не следует. Мы слишком много говорили о производительности труда, и поэтому не можем на фоне укрепившейся заработной платы удовлетвориться первыми достигнутыми результатами в указанной области. А заработная плата закрепилась, она идет вперед. В ряде крупных центров зарплата подошла к довоенному уровню. Таким образом, создалась база для дальнейшей работы по действительному поднятию производительности труда, для дальнейшей постановки вопроса о повышении производительности труда в социалистическом масштабе. Вот те основные данные, которых за глаза достаточно, чтобы судить о некоторых успехах нашего хозяйственного положения.

Довоенный уровень для нас не идеал.

Мы во многих областях нашего хозяйства подходим к уровню довоенного времени. Этот пресловутый идеал, который стоял перед нами в течение нескольких лет, скоро начнет оставаться позади. Довоенный уровень для нас вовсе не идеал навеки или даже надолго. Мы брали такой масштаб, пока страшно отставали повсюду. Если взять такие центры промышленности, как наш ленинградский, то мы здесь не только догоняем, но и рассчитываем обогнать довоенный уровень. Программу в довоенном масштабе в нашей ленинградской промышленности, работавшей еще недавно на войну, а теперь на мирные потребности, мы расчитываем почти на целых 5 лет, но думается, что мы выполним ее гораздо быстрее.

Итак, основной лозунг в области хозяйства в ближайшее время— **скорее дойти до довоенного уровня, который совсем не указ для советской революции**, который был лишь нашим идеалом в самую тяжелую для нас пору. Теперь нам нужно быстрее добиться того времени, когда мы крестьянской лошаденке дадим некоторый отдых, дадим некоторую

«передышку», чтобы она могла поспокойнее пощипать травку, подкрепиться, теперь надо скорее добиться того времени, когда рысак нашей промышленности станет реальною действительностью, когда диктатура пролетариата в нашей стране будет упрочена еще больше и еще незыблемее, чем до сих пор.

Опасность грядущего столкновения с капиталистическим миром.

В связи с укреплением нашего хозяйства мы стоим перед новыми международно-политическими трудностями. Есть в международной обстановке ряд черт и черточек, которые заставляют нас прямо-таки опасаться нового военного похода против нас в ближайшие годы, в ближайшее время. И партия должна ясно отдать себе отчет, что это такое. Я напоминал вам, что тов. Ленин говорил нам об этом уже на VIII с'езде советов. Он тогда указывал:

«...Надо помнить, что если мы сейчас одержали военную победу, получили мир, то, с другой стороны, история учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войн. И этого урока мы не забудем. Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли—мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Для этого прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя...»

Тов. Ленин говорил, что мы стоим перед необходимостью готовиться к новой полосе войн. Это было сказано в 1920 г. Ту же мысль тов. Ленин развивал в своих политических письмах уже в последние месяцы своей жизни. Я укажу вам на документ, который стал политическим завещанием В. И. и который на много лет определяет всю политику партии. В своей знаменитой статье «Лучше меньше, да лучше», написанной незадолго до смерти, тов. Ленин еще и еще раз возвращается к этой теме и снова говорит о том же.

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, на-

правленной к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?»

Тов. Ленин отвечал на поставленный им вопрос, удастся ли нам спастись от новой войны, от новых трудностей,—это зависит от ряда обстоятельств, но готовиться надо к худшему.

Тов. Ленин говорил нам:

Для того, чтобы подготовиться к будущим военным столкновениям, нам надо прежде всего самим цивилизоваться.

Мы подошли к тому, что ленинская алгебра в 1920—23 г.г. может стать совершенно конкретной международно-политической арифметикой. И задача ЦК партии, руководителя партии, заключается в том, чтобы во-время поставить перед партией назревающий вопрос, чтобы на основе этой алгебры уметь применить ленинскую арифметику в конкретной обстановке данного времени. Нам сдается, что мы сейчас довольно быстро,—ибо все развивается быстро в последние годы,—приближаемся к тому моменту, о котором говорил в 1920—23 г.г. тов. Ленин, а именно: рост нашего хозяйства и рост влияния Коминтерна ставит наиболее авантюристское крыло империализма перед испытанием и, быть может, поставит его перед необходимостью (с его точки зрения,—необходимостью) попробовать еще раз, насколько мы крепки.

Капиталисты Европы и всего мира прекрасно понимают, что через 2—3 года, а может быть и раньше, рост нашего хозяйства станет таким могучим фактором коммунизма, какой им и не снился до сих пор.

Коминтерн должен был в прежние годы работать в обстановке, когда в первой стране пролетарской диктатуры рабочие голодали, когда советская страна собирала на Западе по грошам для своих рабочих, когда западный рабочий, иногда погрязший в мещанском болоте, говорил, что «может быть диктатура и хорошая вещь, но раз для этого надо голодать, то мы еще подумаем». Теперь впервые Коминтерн начинает работать в иной обстановке, теперь он может пред'явить рабочим массам Запада такой аргумент, как рост заработной платы в СССР, рост промышленности, рост хозяйства в стране Советов. Враги коммунизма отлично знают, что против таких аргументов не устоит никто.

К слову сказать, заключения и настроения английской делегации, даже этой далекой от коммунизма верхушки, на 3/4 определялись именно подобными аргументами—не аргументами от Маркса и Ленина, которые

на них недостаточно сильно действуют, но аргументами от стали, текстиля, заработной платы, школ и больниц. Такие аргументы в нашу пользу будут расти. В ближайшие годы они станут важнейшим фактором коммунизма во всем мире. Буржуазия отлично понимает всю опасность для нее подобных аргументов.

Лицом к деревне *).

Наша ближайшая и важнейшая задача заключается в том, чтобы суметь в обстановке 1925 г., в нынешней конкретной международной и хозяйственной обстановке, при теперешнем переплете сил внутри и вне страны, — суметь применить лозунг смычки к делу.

Дело же двигается пока медленно. На пленуме ЦК некоторые товарищи рассказывали, что на местах, подальше от центра, даже довольно ответственные работники рассуждают так: «в центре говорят разные речи, пишут хорошие резолюции,—вероятно, это нужно по международным соображениям,—а на местах мы понимаем, что это — ерунда, что налога не соберешь методами убеждения, что беспартийному крестьянину опасно доверяться,—поэтому мы все оставим по-старому».

Такие настроения на местах не изжиты, и о них нам товарищи рассказывали на нашем пленуме. Нечего говорить о том, насколько подобные настроения опасны. Вся партия должна понять, что наступили новые времена, что крестьянин не позволит с собой шутить,—и будет прав!

Что означает лозунг «лицом к деревне»?

Конечно, было бы смешно толковать лозунг «лицом к деревне», как это пытались делать некоторые, в том смысле, что речь идет о «демократии для крестьян». Я уже цитировал в своей статье «Пролетариат и крестьянство» места из программы нашей партии и из заявлений тов. Ленина на с'езде партии на этот счет. Тов. Ленин говорил, что у нас по конституции существует некоторое неравенство между рабочими и крестьянами. Оно нашло свое выражение в нашем избирательном законе. Такое положение необходимо на время, — говорил тов. Ленин,—ибо для нас дело революции важнее всяких формальностей. Это необходимо, ибо рабочие живут в основных центрах, они живут все вместе, они более культурны, организованы и грамотны. Но это неравенство лишь дело времени. Наступит момент, когда мы должны будем вполне уравнять и в избирательных правах рабочих и крестьян.

---

*) Доклад тов. Зиновьева на Ленинградской партконференции о деятельности ЦК РКП (б), 26/I-25 г.

Так говорил тов. Ленин. Это время наступает не так скоро, но к такому моменту мы теперь приближаемся довольно быстро.

У крестьян теперь чрезвычайно обостренное чувство в вопросе о равенстве. Дело доходит до таких крайностей, что крестьянин протестует, почему на серебряном полтиннике молот выгравирован над серпом, а не наоборот.

Я не буду подробно излагать содержание лозунга «лицом к деревне». Я надеюсь, что многие читали мою недавнюю статью, посвященную данному вопросу. Этот лозунг взят **всерьез, надолго и навсегда.** Вспомните, что тов. Ленин рисовал нам перспективу привлечения промышленных рабочих к земледелию, рисовал нам, как и Маркс, перспективу уничтожения противоположности между городом и деревней. Только тогда наступит победа социализма, потому что рост тяжелой промышленности, определяющей судьбу пролетарской диктатуры, связан с ростом крестьянского рынка.

И международная обстановка приводит нас к лозунгу «лицом к деревне».

И, наконец, международное положение ведет нас по пути, начертанному этим лозунгом. Возможность новой войны империалистов против нас реальна. Исход такой войны, если нам ее навяжут (конечно, мы будем последними, кто ввяжется в эту войну), решится четырьмя факторами. **Во-первых,** тем, насколько мы успеем поднять свое хозяйство и культуру в нашей стране. **Во-вторых,** насколько силен будет наш союзник (т. е. рабочий класс) в секторах, в траншеях врага, в остальных пяти шестых буржуазного мира. **В-третьих,** насколько созреет Восток против империалистов, и, **в-четвертых, насколько крепок будет в момент войны союз рабочего класса с крестьянством в нашей стране.** В особенности при новом типе строительства нашей армии совершенно ясно, что исход войны решит крестьянин, его настроение. Заглядывая вперед за несколько лет, можно сказать, не рискуя ошибиться, что если мы будем вести правильную ленинскую линию в вопросе о крестьянстве, то мы можем создать такое положение, что, когда на нас ударит враг, **вся деревня поголовно, как один человек встанет под наше знамя.** Мы можем создать такое положение, если не будем дураками, если не будем зарываться, если будем понимать, что нам сейчас необходимо ориентироваться на **тяжелую поступь миллионных масс рабочих и крестьян.** Но, ошибившись в этих вопросах, можно создать такое положение, при котором в момент военной опасности, в тот момент, когда нас опять станут про-

бовать на зубок, — в этот момент крестьянин покажет холодок. Только маленький холодок—и этого уже будет достаточно, чтобы погубить пролетарскую диктатуру, даже если она успеет просуществовать к этому времени десять лет, даже если мы поднимем Волховстрой, даже если поднимем на довоенный уровень тяжелую промышленность. Так стоит вопрос.

Ленин учил нас строить союз рабочих и крестьян в международном масштабе.

Тов. Ленин в своей резолюции на II всемирном конгрессе Коминтерна поставил вопрос о крестьянстве в интернациональном масштабе. Он доказал там, и, по-моему, с полной убедительностью, что не только в нашей крестьянской стране, но и во всем мире есть три группы земледельческого населения, три группы крестьян, которых может и должен завоевать пролетариат. Эти три группы—сельско-хозяйственные рабочие, мелкий, мельчайший крестьянин и отчасти середняк, которого успешнее можно завоевать после победы пролетарской диктатуры.

Я подчеркиваю: тов. Ленин ставил вопрос о крестьянстве в международном масштабе, а не только в русском. **Величие Ленина заключалось прежде всего в том, что он первый во всемирной истории стал одновременно вождем пролетариата и значительных многомиллионных масс крестьянства.** Не было еще в истории таких революционеров, которые, будучи пролетарскими вождями и ведя за собой весь свой класс, в то же время умели бы на деле повести за собою и многомиллионные массы другого, второго класса—крестьянства. Вот основное в Ленине.

К живому, практическому делу! За работу!

Мы должны помнить, что крестьянину не надо обещать ничего такого, чего нельзя сделать. Крестьянин—реалист. Не надо разбрасываться обещаниями. Он сочтет за шарлатана того, кто много наобещает и ничего не сделает. На 50 проц. все решается теперь ценами на ситец, на подковы, на спички, на керосин. Но вместе с тем совершенно ясно, что, если мы хотим быть большевиками, если мы хотим быть готовыми к новой встряске и победить в ней международную буржуазию, — **мы должны лозунг «лицом к деревне» взять не как агитаторский лозунг, а как систему ленинской политики.** Мы можем и должны добиться того, чтобы у нас была на местах честная, трезвая, неподкупная советская власть, которая далеко еще не везде имеется в уездах и в волостях. Мы можем и должны добиться привлечения к советской работе бес-

партийных крестьян. Некоторые товарищи мне рассказывали, что местами совсем маленькая прослойка плохеньких коммунистов, волостных и усердных работников, поняла этот лозунг, как якобы враждебный коммунистам: «Что же, мы работали, работали столько лет, в трудное время, а сейчас, изволите видеть, курс на беспартийных через нашу голову»... Но так смотрит только маленькое, ничтожное меньшинство. Все инструктора ЦК и все товарищи с мест, об'езжавшие деревню, говорят: громадное большинство рядовых коммунистов в волости и уезде поняло наш лозунг правильно, так, как должны были его понять большевики. Они подтверждают, что лозунг верен, что ЦК видит всю картину, всю обстановку в СССР. Они поняли, что данный Центральным Комитетом лозунг надо проводить добросовестно, что действительно надо втягивать беспартийных крестьян, надо создать беспартийный актив вокруг себя.

Надо чаще вспоминать, что говорил и писал Ленин о советах в 1917—18 г. г. Надо в деревне применительно к тем силам, какие мы там имеем, создать хотя нечто мало-мальски похожее на наши лучшие теперешние пролетарские центры.

В городской жизни и быте мы двигаемся вперед. Зарплата рабочих растет. Рабочие жилища начинают понемногу строиться. Мы даем на это первые 25 миллионов. Плохого еще много, конечно, нищеты еще много у рабочих. Но дело пошло. Кооперация растет. Надо, чтобы все эти области стали подниматься и в деревне. Надо крестьянину дать мало-мальски хорошую народную школу, мало-мальски сносную сельскую медицину, мало-мальски сносное советское управление на местах. Недавно закончившийся учительский с'езд имеет громадное симптоматическое значение. Он был бы невозможен три года назад, но стал возможным теперь. Это яснее ясного показывает нам, какие громадные возможности открываются перед нами в деревне. Итак, надо без всяких преувеличений, без лишних обещаний, без демагогии, без лишних слов и деклараций, по-рабочему, по-честному, по-большевистски подойти к крестьянину, подойти так, чтобы он почувствовал, что в меру сил рабочий и его партия действительно ему помогут и готовы в течение годов помогать ему налаживать его жизнь и хозяйство. Это сделать необходимо.

Против кулака мы всегда найдем средства.

В деревне у нас происходит дифференциация, растет кулак. Но не надо этот рост преувеличивать—это было бы неправильным при данном положении вещей. Не надо забывать, что при пролетарской власти в на-

ших руках десятки средств против кулака. Ведь, в самом крайнем случае у нас и против «нового» буржуя в городе и против кулака в деревне найдутся необходимые средства. Если партия будет твердо стоять на ногах, если пролетарская диктатура будет тверда, то тогда в самых крайних случаях у нас найдется и в уголовном кодексе, и вообще в наших законах «примечание», при помощи которого мы «легально» сократим и нового буржуя в городе и деревенского кулака, если у него вырастет слишком большой живот.

Глубокое внимание к деревне, к ее бедняцко-середняцким слоям.

Нет сомнения, мы доберемся и до кулака, когда это будет нужно. Сейчас у нас середняк часто еще похож на бедняка. У нас положение такое, что к нему на местах бывают иногда слишком строги. Бывают факты, когда наш середняк не хочет употребить всего навоза на удобрение, потому что говорит себе,—не знаю, будет ли эта земля у меня и впредь, да и как взглянут на меня, если я оправлюсь хозяйственно. Иногда так и бывает: если он мало-мальски оправился, то его чуть ли не лишают избирательных прав.

Мне рассказывали, как происходят кое-где в деревне выборы в кооперацию, свой человек рассказывал: назначают собрание утром, мужики приезжают, но затем собрание переносят на вечер, мужики раз'езжаются, и тогда начальство назначает, кого ему захочется. А то был в кооперации и такой случай: назначили так называемого «коммуниста»; он проворовался, украл несколько сот. Во второй раз тоже назначили «коммуниста»—увы, опять проворовался. На третий раз мужики чешут затылки и говорят: мы выберем коммуниста, но вы внесите за него несколько тысяч залога. Слова из песни не выкинешь. Мы знаем прекрасно, что у нас и в городе было время, когда выбирать правление кооператива было дело трудным. Мы знаем, что к партии примазывается иногда шваль, которой мы еще не вычистили.

Не нужно бояться того, что середняк будет сытно есть; если он сыт, это еще не значит, что он кулак. Нужно различать, нужно **дифференцировать**, как учил Владимир Ильич. Конечно, надо всячески обрезывать кулака, но не задевать при этом подлинного середняка, с которым нам нужен союз. И нужно прежде всего всеми силами помочь бедняку, помочь всесторонне, так, чтобы он мог стать на ноги, чтобы он мог наладить свое хозяйство. Надо помочь и батраку. Надо об'единить всю деревню против кулака,

Деревня должна признать пролетарскую диктатуру наиболее выгодной для нее властью.

Так обстоит дело в деревне. Деревня сейчас — центральный вопрос всех вопросов: куда ни кинь, всюду натолкнешься на него. И вопрос о поднятии нашей крупной промышленности, и вопрос о поднятии культуры, и вопрос о том, каково будет наше международное положение,— все они упираются целиком в деревню. Когда некоторые наши оппозиционеры, выступая против нас, говорили, что мы забыли рабочих, что мы стали в роде народников, — так говорили некоторые красные профессора в Москве, впрочем, и Троцкий называл в 1916 г. Ленина «челябинским народником»,—как Сафаров совсем недавно об этом напомнил, они забывали одну маленькую вещь: когда мы говорим: «лицом к деревне»,—от чьего имени мы говорим? **От имени рабочего класса. О чьем лице идет дело? О лице рабочего класса.** Рабочий класс—хозяин страны, рабочий класс—основная сила страны, **рабочий класс должен повернуться лицом к деревне**, должен понять, что его интересы, и экономические и политические, требуют такого поворота.

Что рабочий класс — гегемон революции, что он — хозяин, что он— основная сила,—для нас азбука. Он—гегемон, он—основная сила, которая ведет государство, он—диктатор, но для того, чтобы победить, для того, чтобы повести за собой широкую массу крестьян, рабочий класс должен уметь помочь крестьянскому хозяйству. Он помогал деревне в гражданской войне, он помогал ей, расчистив международную обстановку, избавив ее от платежа непосильных царских долгов, он должен помочь теперь деревне и в налаживании хозяйства, чтобы мужик сказал, что наше правительство самое выгодное и в хозяйственном отношении. Вот как стоит вопрос.

Он распадается на целый ряд практических вопросов, в частности о кооперации. Нужно провести в кооперации подлинное добровольное членство,—у нас его в деревне еще нет, там еще царит часто казенщина. Нужно провести подлинное добровольчество и подлинную выборность. Нужно привлечь мужика в кооперацию, никого и ничего от этого не убудет. Нужно привлечь сюда беспартийного крестьянина. Перед нами встает и ряд других конкретных вопросов.

Наша крестьянская политика и развитие пролетарской революции *).

Нужно, чтобы сейчас передовики нашей партии сами увязали в своем сознании нашу крестьянскую политику с политикой Коминтерна и по-

*) Доклад т. Зиновьева на XIV партконференции об итогах расширенного пленума ИККИ 21/IV—25 г.

вели дальше эту работу вполне уверенно. В связи с опубликованием тезисов я получил от одного товарища письмо, в котором он меня спрашивал: «Каково ваше мнение,—верно ли, что решительный поворот направо в политике нашей партии в деревне об'ясняется международной обстановкой?» В этом вопросе нагляднее всего элементы правильного понимания вопроса переплетаются с элементами явно неправильными. Нет сомнения, что наша политика в деревне до известной степени связана с международным положением, но неверно, что она представляет собой поворот нашей партии вправо. Нет, это—не поворот направо, это—ленинское продолжение политики, начатой нашей партией в 1917 г. и раньше. Никакого поворота вправо здесь нет.

Если бы революция развивалась даже быстрей, мы все же должны были бы осуществлять политику союза с крестьянством. Еще во время II конгресса Коминтерна, когда и т. Ленину казалось, что революция идет решительно вверх, он и тогда учил нас тому, что как раз после победы пролетарской революции мы получим новые грандиозные возможности, чтобы закрепить за собой крестьянство, как союзника. Само собой понятно, что в обстановке более быстрого хода революции у нас кое-что шло бы по-иному, но наша основная политика оставалась бы такой же. Она все же сводилась бы к необходимости закрепления союза рабочего класса с крестьянством. Вот почему эту сумятицу в представлениях нужно уничтожить. Нет поворота политики партии направо, а есть правильная политика партии, которая выросла из учета взаимоотношений классов в нашей стране. Конечно, и взаимоотношения классов в нашей стране должны и будут правильно оценены нами лишь в соответствующей международной перспективе, потому, что мы—партия международного пролетариата. Но это не меняет основного: наша политика намечена верно.

Если мы произведем соответствующую прививку против обеих опасностей, о которых я говорил, тогда, я думаю, мы сделаем все необходимое для того, чтобы в этот трудный момент правильно вести Коминтерн по предстоящей ему тяжелой дороге.

И я думаю, если взять работу расширенного Исполкома Коминтерна и работу нашего Центрального Комитета за последнее время и работу настоящей конференции, тут получится увязка полная. Мы получаем теперь и получим современем, когда глубже и шире осуществим нашу крестьянскую политику, полную увязку нашей задачи, как пролетарской партии, одержавшей пока-что победу в одной стране, с другой нашей задачей, формулированной Владимиром Ильичем так: задача интернационалиста, если он завоевал власть в одной стране, заключается в том,

чтобы сделать максимум возможного для обеспечения победы во всех других странах. Эту увязку по деловой, принципиальной и теоретической линии мы должны сделать.

Владимир Ильич в его статье о продналоге, составленной им в 1921 г., говорит: «10—20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством— и мы выиграем во всемирном масштабе даже при замедленном темпе международной революции». Эта фраза не попала тогда в его статью, я думаю, не случайно. Владимир Ильич не хотел еще тогда говорить в печати о таких слишком длинных сроках,—сейчас **надо** говорить об этих сроках, сейчас **надо** напомнить об этих 10—20 годах. При чем 10—20 лет—не обязательный, конечно, срок. Мы охотно согласимся сократить его, если ход мировой истории это позволит. Но в перспективе нужно видеть и такой срок: 10—20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством при медленном росте пролетарской революции. Понятно, необходимы не только правильные взаимоотношения с крестьянством, но и правильная международная политика вообще, и особенно правильная линия Наркоминдела, и, еще больше, правильная политика по рабочей линии. Если мы будем осуществлять и то, и другое, и третье, тогда мы, действительно, пройдем через все трудности.

Мы будем твердо стоять на Ленинской почве.

Нам пока-что достаточно усвоить основную линию, понять, что мы подошли к необходимости в открытую и вплотную стать лицом к деревне, понять, что здесь не агитаторские фразы, а целая система действий, понять, что нельзя швыряться обещаниями, а надо действовать, как следует настоящим коммунистам, и давать отпор тем, кто, подобно Преображенскому, ближайшему стороннику Троцкого, додумался до того, что крестьянство для нас—«колония». Так нельзя выиграть революции. Сто Чемберленов не повредят нам столько, как трое «своих» умников, если мы дадим им волю так говорить с крестьянами от имени нашей партии.

Если крестьянин действительно почует, что партия и весь рабочий класс смотрят на него, как на «колонию», то он найдет пути соединиться с нэпманом и иностранным капиталистом через нашу голову. Это—просто. А во время войны—проще простого. Если усвоить взгляд на крестьянство, как на колонию, это верное **средство проиграть революцию** и остаться в дураках. Но мы не допустим до этого после семи лет революции, когда для нас жизненно необходимо установить правильные взаимоотношения между двумя основными классами страны—рабочими и крестьянами. Тов. Ленин не говорил о предстоящем уравнении

в избирательных правах нэпмана, но он говорил о необходимости современем уравнять с рабочим крестьянина, определенного крестьянина,—трудового. В пределах двух классов маневрировать и вести дело не столь трудно, если стоишь на почве ленинизма, но, разумеется, и не особенно просто. Политика нашей партии будет сводиться главным образом к тому, чтобы партия и рабочий класс не сошли, не сдвинулись в сторону с почвы ленинизма.

Ильич о роли партии.

Я хотел бы еще остановиться на вопросе о **руководящей роли партии в настоящей обстановке.** Все, что сказано выше, можно осуществить лишь в том случае, если руководящая роль партии останется незыблемой и будет все больше и больше крепнуть. Я приводил в своей недавней статье выдержку из сочинений Ленина, которую прочитаю, так как она ясно ставит данный вопрос. В. И. Ленин говорил в 1921 г.:

«Признание главенствующей роли партии должно быть у нас на виду... мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить от буржуазного обмана... Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии... Каждый (из нас) принадлежит к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом».

Вот ключ ко всей позиции ленинизма в этом вопросе. В этом вопросе бывают неясности. Троцкизм относится к признанию главенствующей роли партии враждебно, а мелкая буржуазия поддерживает троцкизм потому, что она знает одно: «Я не понимаю всех тонкостей перманентной революции—думает мелкий буржуа,—меня мало интересует вопрос относительно плана, вопрос о том, как было в Германии в октябре 1923 года и кто «сдрейфил» в 1917 году, но я знаю наверняка, что если бы дело пошло по Троцкому, то партия была бы отодвинута подальше от госаппарата». Это знает любой мелкий буржуа, и за это он ценит троцкизм. А между тем здесь, в вопросе о руководящей роли партии—незыблемая

основа всех основ ленинизма; здесь—командная высота всех командных высот большевизма; здесь—основной ключ к пониманию всего. Говорят: сказанное Лениным в 1921 г. было верно тогда, но неверно в 1925 году, нельзя повторять просто каждое слово Ленина. Да, мы—ленинцы не потому, что повторяем каждое слово Ленина; мы должны оценивать каждую его заповедь применительно к данному положению вещей в данной стране, к определенному соотношению классов.

Однако мы помним, что в одном из своих последних писем уже в 1923 г. тов. Ленин развивал перед нами подробный план реорганизации Центральной Контрольной Комиссии и Рабкрина. Письмо это относится к числу последних политических заветов Владимира Ильича нашей партии. Предложенный им план реорганизации Центральной Контрольной Комиссии и РКИ целиком построен на мысли о главенстве партии над госаппаратом. И здесь Ильич тоже говорит: «Фактическое и юридическое преобладание партии над госаппаратом». Другими словами, у него здесь есть план, построенный на том, что и «де-факто, и де-юре» **партия управляет, партия руководит**, партия стоит над государственным аппаратом.

Опыт работы Центральной Контрольной Комиссии еще недостаточен. Тов. Ленин поставил этой организации грандиознейшие задачи. Естественно, что такие задачи не могли быть выполнены в короткий срок, и мы также считали, что здесь требуются сроки большие. Центральная и местные контрольные комиссии далеко еще не поставлены на ту высоту, на какую их хотел поднять тов. Ленин, хочет поднять и **поднимет** партия. Тут нужно больше времени. Но самый план и его грандиозное принципиальное значение совершенно ясны и полностью усвоены партией. Я и утверждаю, что весь этот план зиждется на признании руководящей роли партии над государственным аппаратом. И уже не в 1920—21 гг., а в **1923 г.** писал об этом Ильич и писал на ряд лет вперед, ибо, я уже говорил, это написано тов. Лениным, как завещание на долгий ряд лет, на 1—2 десятилетия. Мысль о главенстве партии—основной кирпич нашего здания, его сердцевина. Если вы вынете эту мысль, упадет вся постройка.

Будущее государства и партии.

Давайте чуточку заглянем вперед. Мы знаем, что партия—не вечная категория. Государство—тоже не вечная категория. Государство в свое время «отомрет», когда у нас будет бесклассовое общество. Партия тоже в свое время отомрет. Как это будет во времени, трудно предсказать.

В общем и целом, если брать большие исторические масштабы, государство отомрет примерно тогда же, когда и партия, ибо партия есть авангард класса. Уничтожение классов ведет к уничтожению государства и тем самым к уничтожению и партии. В историческом масштабе здесь сроки более или менее совпадут.

Конкретно, вероятно, будет так, что партия на некоторое время еще переживет государство пролетарской диктатуры, ибо у нее могут на время остаться свои задачи даже и в бесклассовом обществе, задачи чисто культурные, чисто воспитательные, которые партия, как союз единомышленников, будет коллективно проводить еще в течение некоторого промежутка времени. Не стоит гадать, как это будет протекать в деталях. Но совершенно ясно, что в общеисторическом масштабе в свое время вместе со смертью классового общества отомрут обе категории—и государство и партия. Такой вывод вытекает из марксизма и ленинизма.

Но это—музыка будущего. В настоящее время у нас не только не отмирает государство, но мы проходим и будем еще ряд лет, а, может быть, и пару десятилетий, проходить через процесс создания сгущенного государственного раствора, через процесс особенно интенсивного сколачивания пролетарского государства, расширения его территории и создания опорных пунктов для него и проч. и проч.

Стремление к умалению роли партии есть ревизия ленинизма.

Вот почему вопрос о каком бы то ни было умалении роли партии есть вопрос о ревизии ленинизма и гибели пролетарской диктатуры. Пролетарскую революцию никогда не спасут уступки крестьянству, если мы только не сохраним руководящей роли партии, и нас погубит самая «отличная» политика, если мы хоть на пядь уступим в вопросе о руководящей роли партии.

Во всей окружающей обстановке имеются тенденции, способствующие умалению роли партии. Новая буржуазия явно этого хочет. Значительный слой зажиточного крестьянства этого тоже явно хочет, найдется и слой беспартийных рабочих, который тоже, может быть, был бы не прочь от этого. По ведомственной линии часть государственного аппарата—за такое умаление роли партии: он «стонет, мол, под «игом» партии». Пролетарская диктатура—сложный механизм. Владеть им—значит понимать каждое его колесико. При этой обстановке ослаблять руководящую роль партии—значит наверняка загубить дело.

Партия выдвинула вновь лозунг оживления советов. Тот, кто думает, **что оживлять советы нужно за счет руководящей роли партии, тот**

погубит и советы и партию. Оживлять советы должна партия, руководить советами должна партия. Такая постановка вопроса вытекает не только из учения т. Ленина, но и из всего опыта пролетарской диктатуры, того опыта, который так дорог для международного пролетариата.

Как это вяжется—лозунг «лицом к деревне» с идеей о руководящей роли партии? Иные говорят: если вы хотите, чтобы рабочий класс повернулся лицом к деревне, если вы ходите дать крестьянству известные уступки и т. д., то как вы проведете такую политику, не умаляя руководящей роли партии, вяжутся ли у вас здесь концы с концами?

Именно вяжутся. Кто поворачивается лицом к деревне? **Рабочий класс и его авангард, его партия.** Дело идет о твердом руководстве, осуществляемом основным классом—пролетариатом, о твердом руководстве вторым классом, близким к пролетариату,—крестьянством.

Лозунг «лицом к деревне» отлично увязывается с формулой о руководящей роли партии. Если есть налицо руководство партии, мы можем дать лозунг «лицом к деревне». Если бы партия не была вылита из одного куска, если бы наша партия не играла руководящей роли, если бы она не была ленинской партий, если бы она не владела умами всего рабочего класса,—тогда такой лозунг мог бы означать прямую бонапартистскую игру между двумя классами. Но именно потому, что у нас есть и не ослабнет твердая руководящая роль партии, именно поэтому мы можем широко развернуть лозунг «лицом к деревне». Лозунг «лицом к деревне» не противоречит, а **предполагает** руководящую роль партии. Лозунг оживления советов также не противоречит, а **предполагает** руководящую роль партии. И то, что говорил и писал т. Ленин в 1920—21 г.г. и в 1923 г., представляет собой план, рассчитанный на десятилетие, если не на пару десятилетий. Я думаю, чем дальше в нэп, чем больше, чем глубже мы входим в обстановку нэпа, тем важней руководящая роль партии, а не наоборот. Конечно, не надо обезьяничать, не надо просто повторять в 1925 г. того, что было верно для прежних лет. Конечно, мы должны уметь притягивать полубольшевиков из рабоче-крестьянской среды,—это верно. Конечно, методы осуществления руководящей роли партии меняются: конечно, 1923 г.—не 1903 г., а 1925 г.—не 1917 г., но в общем правильна та мысль, что обстановка нэпа должна приводить не к ослаблению, а к усилению руководящей роли партии.

Т. Ленин требовал, чтобы партия господствовала над государственным аппаратом. Он давал ясный чертеж, как партия должна господствовать над государственным аппаратом при помощи ЦКК, сливаемой

с РКИ; и теперь мы должны еще раз твердо сказать «оппозиции»: если вы думаете, что государственный аппарат, где есть различные слои— и пролетарские элементы и полупролетарские и вовсе непролетарские, где есть архимелкобуржуазные элементы, если вы думаете, что государственный аппарат будет стоять над партией, то вы ошибаетесь. **Нет. Пока есть большевистская партия, пока есть ленинизм, пока есть настоящая пролетарская диктатура,—до тех пор партия будет стоять над государственным аппаратом, будет руководить, владеть им, а не наоборот.**

Заключение.

Нам необходимы три перестраховки.

Для того, чтобы подвести итог сказанному, мне остается добавить следующеее: по-моему, нам необходимы в настоящий момент **три перестраховки, или троекратная перестраховка.** Необходимость первой перестраховки вытекает из нынешней оценки нашего международного положения, это—перестраховка самой Советской власти, самой диктатуры пролетариата в нашей стране на случай внешней опасности при том международном переплете, который становится все более ясным.

Вторая перестраховка касается основной идеи ленинизма, идеи союза рабочих и крестьян или смычки с крестьянами и выражается в лозунге «лицом к деревне». Эта перестраховка необходима в целом ряде областей. Оживление советов, оживление кооперации, хорошая народная школа, политика дешевых цен, тракторизация, крестьянская газета и проч. и проч.,—все это вместе взятое составляет основу политики рабочего класса в крестьянской стране на восьмом году пролетарской диктатуры. Вся наша политика должна вестись так, чтобы она перестраховала еще раз основную идею Ильича—союз рабочего класса с крестьянством. Этот союз прошел ряд этапов. В начале революции, в октябре, мы имели за собой почти всю поголовно крестьянскую массу. Потом имели бедняков и только часть середняков, ко времени сибирского восстания мы потеряли очень большие слои крестьянства, а затем, в начале нэпа, стали его к себе возвращать. Вот почему не следует думать, что идея нэпа, провозглашенная тов. Лениным, страхует навсегда. Нет, ясно, что надо перестраховывать себя в зависимости от обстановки. Сейчас обстановка такова, что надо перестраховать идею союза рабочих и крестьян в хозяйственной области, где наши цели и система выражены в лозунге «лицом к деревне».

Третье и самое главное: надо перестраховать идею руководящей роли партии, или, что то же, идею гегемонии пролетариата в революции. Эта идея правильно провозглашена тов. Лениным, правильно и блестяще проводилась им на протяжении ряда лет. Но она также не застрахована от извращений, колебаний, от непонимания, от заскорузлости. Эту идею также надо перестраховать, в основном перестраховать против троцкизма. Надо помнить, что по мере того, как мы углубляемся в нэп, руководящая роль партии должна не ослабевать, а усиливаться (хотя методы и меняются). По мере нашего продвижения в деревню руководящая роль партии должна также не ослабевать, а расти, и по мере того как международное положение усложняется, руководящая роль партии должна не ослабевать, а твердеть, должна блестеть, должна быть вылита из одного куска, потому что здесь основа гегемонии пролетариата, диктатуры рабочего класса.

Итак, в нынешней обстановке, когда у нас начинаются первые большие хозяйственные успехи, когда поднимается активность крестьянства, просачивающаяся в города и оживляющая и враждебную часть мелкой буржуазии, когда на нас начинает косо поглядывать международный капитал, когда мы кончаем последние бои против идей троцкизма в нашей партии,—в этот момент вполне уместен лозунг перестраховать идею гегемонии пролетариата, перестраховать мысль о руководящей роли партии, об ее руководящей роли над государственным аппаратом, над самыми основными отраслями нашей работы.

Вот, если мы с умом, деловито, по-ленински, прислушиваясь к жизни, к голосам рабочих, которые идут в нашу партию (а сейчас у нас новый маленький ленинский призыв—около 10 тыс. новых рабочих вступают в партию в одном Ленинграде), если мы не будем терять головы и обольщаться первыми успехами, если будем видеть все трудности на горизонте международном и все трудности в нашей внутренней обстановке (рост нашей мощи также несет трудности), если мы сумеем до конца довести идейную и организационную борьбу с троцкизмом, если сумеем по-ленински провести необходимые перестраховки,—тогда дело будет на незыблемом основании, тогда наши силы будут расти, тогда основное достояние нашей революции будет застраховано, но не на бумаге, а всеми теми способами, всеми теми организационными и политическим рычагами, какие только мог нам дать ленинизм, т.-е. непревзойденное учение о пролетарской диктатуре.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

70к.

Цена ~~30~~ коп.

